

К. Фламмарин

ЛЮМЕН

г. Томск - 1995

Annotation

Это книга об удивительных приключениях души в Тонком Мире. Автор — известный французский астроном 19 столетия, написавший целый ряд книг по астрономии и жизни в Тонком Мире. Его книги пользовались широчайшей популярностью.

Роман будит воображение читателя представлениями о межпланетных путешествиях на скоростях, близких к скорости света, данными Эйнштейном в его теории относительности 30 лет спустя.

Contents

Annotation	
Никола Камиль Фламарион	
.....	
Рассказ первый	
Рассказ второй	
Рассказ третий	
Рассказ четвертый	
Рассказ пятый	
Примечания	
1	
2	
3	
4	
5	
6	
7	
8	

Никола Камиль Фламарион

Люмен

Разговоры о бессмертии души

научно-фантастический роман

Это книга об удивительных приключениях души в Тонком Мире. Автор — известный французский астроном 19 столетия, написавший целый ряд книг по астрономии и жизни в Тонком Мире. Его книги пользовались широчайшей популярностью. Роман будит воображение читателя представлениями о межпланетных путешествиях на скоростях, близких к скорости света, данными Эйнштейном в его теории относительности 30 лет спустя.

Публикуется по изданию Института Человекознания, серия «Литература», т. 2. Томск, «ЗНАМЯ МИРА», 1995 г. Это — первое издание романа в России после векового перерыва.

В связи с отсутствием электронных копий романа на русском языке в интернете конца 2011 года, составители сайта решили опубликовать его, дабы открыть славное имя Камиля Фламариона незнакомым с ним читателям и дать возможность познакомиться посетителям сайта с его идеями, занимающими достойное место среди идей, объясняющих принципы мироздания.

(26.02.1842 — 04.06.1925)

Никола Камиль Фламарион родился 26 февраля 1842 года в Монтиньи-ле-Руа (Франция). Образование получил самостоятельно. В 1858–1862 годах он работал вычислителем в Парижской обсерватории, в 1862–1876 вычислителем в Бюро долгот в Париже, в 1876–1882 был сотрудником Парижской обсерватории. В 1861 году была опубликована книга Фламариона «Множественность обитаемых миров», положившая начало большой серии его популярных астрономических работ. Широкую известность получили его книги «Популярная астрономия» (1880) и «Звезды и достопримечательности

неба» (1882). В конце 1882 года в городке Жювизи близ Парижа Фламарион основал обсерваторию, которая располагалась в усадьбе, подаренной ученому одним из любителей астрономии и почитателей его книг. Директором обсерватории Фламарион оставался до конца жизни.

Научные труды К. Фламариона посвящены двойным и кратным звездам; в частности, он открыл общее собственное движение нескольких широких пар звезд, доказав физическую связь между ними. Изучал цвета звезд и отдельных образований на поверхности Луны, в 1876 году отметил сезонные изменения темных областей на Марсе. Многочисленные наблюдения этой планеты, выполненные Фламарионом в обсерватории Жювизи, описаны в книге «Планета Марс и условия обитания на ней» (1909). Кроме того, Фламарион занимался проблемами вулканологии, земной атмосферы, климатологией. В 1882 году ученый основал научно-популярный журнал «Астрономия», для которого писал статьи. В 1887 году он также основал Французское астрономическое общество. Имя Камиля Фламариона, заново открывшего миру науку Астрономию, занесено на карты Луны и Марса, а за его трепетное отношение к миру звезд его называли «Певцом живой Вселенной»:

Роман построен на диалоге ученика Квэренса (Quaerens — лат. «Вопрошающий, Ищущий») и учителя Люмена (Lumen — лат. «Свет», в контексте романа — «Свет (знания) Несущий»).

Рассказ первый

Resurrectio praeteriti^[1]

I

Quaerens. — Ты обещал мне рассказать о том загадочном часе, который наступил вслед за тем, как ты испустил последний вздох, и объяснить мне, каким образом, в силу какого странного закона, прошедшее стало для тебя настоящим, и ты проник в тайну минувшего, остававшуюся до сих пор никому неизвестной.

Lumen. — Да, мой старый друг, я сдержу свое обещание и я надеюсь, что, благодаря продолжительному общению наших душ, ты поймешь то явление, которое ты называешь странным. Есть вещи, которые смертному глазу доступны лишь с трудом. Смерть, освободившая меня от моих несовершенных и ограниченных телесных чувств, еще не коснулась тебя своей освободительной рукой. Ты принадлежишь к миру живых. Несмотря на уединенность твоего убежища в этих царственных башнях предместья св. Иакова, где ни один непосвященный не может помешать твоим размышлениям, ты все же принимаешь участие в земной жизни и в ее мелочных заботах. Не удивляйся поэтому, если я скажу, что ты должен совершенно укрыться от внешнего шума и напрячь всю силу внимания, какую только твой ум может развить.

Quaerens. — Мой слух внимает только твоему голосу, мой ум всецело поглощен твоею речью. Говори без опасения и без отступлений и поведай о неизвестных мне ощущениях, возникающих по прекращении жизни.

Lumen. — С какого момента я должен начать свой рассказ?

Quaerens. — Не припоминаешь ли ты той минуты, когда моя дрожащая рука закрыла твои глаза? Если да, то начни рассказ именно с нее.

Lumen. — Отделение мыслящего начала от нервной организации не оставляет в душе никакого воспоминания. Умственные способности, обуславливающие гармонию памяти, как бы замирают, прежде чем возродиться в другой форме... Первое ощущение тождественности личности, возникающее после смерти, походит на то чувство, которое появляется при пробуждении от сна, когда человек, мало-помалу привыкая к мысли о наступлении утра, все еще находится под впечатлением ночных сновидений. Колеблясь между минувшим и предстоящим, ум старается овладеть собой и схватить мимолетные ощущения исчезнувшего сна, оставившего в его сознании вереницу образов и видений. Случается, что, поглощенный воспоминанием о соблазнительном сне, человек, наполовину проснувшись, снова отдается его обаянию; его глаза закрываются, сновидение восстанавливается, и человек погружается в состояние полусонных грез. В таком же состоянии находится наша мысль при окончании жизни, на рубеже между непонятной еще для нас действительностью и не исчезнувшим еще сном. Самые разнообразные ощущения перепутываются и переплетаются друг с другом, и когда под наплывом замирающих телесных чувств вспомнишь о земле, откуда ты только что пришел, бесконечная грусть охватывает тебя, затемняет мысль и тормозит сознание.

Quaerens. — Ты испытал все эти ощущения сейчас же после смерти?

Lumen. — После смерти? Но смерти не существует. Событие, которое ты обозначаешь этим именем, отделение души от тела, не имеет столь материальной формы, чтоб его можно было сравнить с разложением химических элементов, наблюдаемым в материальном мире. Это отделение столь же мало отражается в сознании умершего, как рождение — в сознании новорожденного. Мы рождаемся в

загробную жизнь точно так же, как рождаемся в жизнь земную. Разница только в том, что, не будучи связана телесными покровами, которые облекают ее в земной жизни, душа скорее приобретает представление о своем состоянии и своей индивидуальности. Однако у разных душ способность понимать свое новое состояние весьма различна. Существуют души, которые в течение своей плотской жизни никогда не обращали взора к небу, никогда не стремились проникнуть в тайну вселенной. Такие души, все еще обуреваемые плотскими аппетитами, долгое время остаются в состоянии неопределенности и недоумения. Но есть, к счастью, и иные души, уже во время земной жизни проникшиеся влечением к царству вечного добра. Они знают, что совершенствование есть закон существования и что, покончив с земною жизнью, они войдут в высшую стадию; такие души шаг за шагом следят за тем, как летаргия охватывает их сердце, и когда замирает последнее его биение, тихое и незаметное, они уже отделились от уснувшего тела. Освобождаясь от магнетических оков плоти, они чувствуют, как какая-то невидимая сила уносит их в тот мир, куда влекли их былые мечты, надежды и симпатии.

Quaerens. — Разговор, начавшийся между нами, дорогой учитель, восстанавливает в моей памяти диалог Платона о бессмертии души. И точно так же как Федр спрашивал своего учителя Сократа, когда тот, повинуясь приговору афинян, выпил настой цикуты, и я спрошу тебя, как прошедшего роковой предел: чем объяснить то, что тело умирает, а душа бессмертна, и в чем различие между ними?

Lumen. — Мой ответ на этот вопрос не будет ни метафизическим, какой дал Сократ, ни догматическим, какой могут дать богословы; я дам только ответ научный, так как мы придаем цену лишь фактам, удостоверенным опытом. В человеке нужно различать три отдельных начала: 1) тело, 2) жизненную энергию и 3) душу.

Я называю их в этом порядке, следуя естественной последовательности. Тело есть собрание молекул, представляющих в свою очередь группы атомов. Атомы инертны, пассивны, неподвижны и неразрушимы. Они входят в организм посредством дыхания и питания, возобновляют в нем ткани, затем заменяются другими и, изгнанные круговоротом жизни, переходят в другие тела. В несколько месяцев человеческое тело совершенно возобновляется, и ни в крови, ни в мускулах, ни в мозгу, ни в костях не остается ни одного атома из числа тех, которые наполняли тело несколькими месяцами раньше. Перенесению атомов из одного тела в другое особенно содействует атмосфера. Молекула железа, все равно, находится ли она в капле крови, пульсирующей в голове знаменитого человека или в куске сломанной подковы, остается той же молекулой железа. Молекула кислорода тоже остается совершенно одинаковой, независимо от того, блещет ли она во влюбленном взоре невесты, или зажигает, соединяясь с водородом, один из бесчисленных ночных огоньков Парижа, или падает из туч в виде водяной капли. Тела живущих созданы из праха умерших, и если б все мертвые воскресли, то у живших позже пришлось бы отнять не мало частей тела, принадлежавших раньше другим. Даже между живущими, будут ли это друзья или враги, люди, животные или растения, происходит постоянный обмен, который не может укрыться от наблюдательного взора. То, что вы вдыхаете, едите и пьете, все это уже было тысячи раз использовано, выпито и съедено. Так создается тело — это собрание постоянно возобновляющихся материальных молекул.

Жизненная энергия, жизнь — вот начало, группирующее молекулы в известные формы и образующее из них организмы. Сила царит над пассивными, неспособными к самостоятельному передвижению, инертными атомами, она их влечет, приводит в движение, захватывает, размещает, группирует, следуя известному порядку, и созидает столь изумительно организованное тело, предмет изучения анатома и физиолога. Атомы неразрушимы, жизненная же сила разрушается. Атомы не имеют возраста, тогда как жизненная сила рождается, стареет и умирает. Восьмидесятилетний старик сильнее чувствует бремя годов, чем юноша двадцати лет. Почему это? Атомы, составляющие его организм, находятся в его теле не более нескольких месяцев и сверх того не знают ни юности, ни старости. Если выделить основные элементы его тела, то в них не окажется признаков возраста. Что же состарилось в человеке? Его жизненная энергия,

представляющая лишь видоизменение мировой энергии и часть ее. Жизнь передается произрождением. Инстинктивно и бессознательно она поддерживает тело. У жизни есть начало и есть конец. Это бессознательная физическая сила, организующая и поддерживающая тело.

Душа есть существо духовное, мыслящее, нематериальное. Мир идей, в котором она живет, не есть мир материальный. У нее нет возраста, она не старится. Она, в противоположность телу, не может измениться в каких-нибудь два-три месяца, ибо по прошествии многих месяцев, многих годов и даже десятков лет, мы чувствуем, что мы остались теми же людьми, какими были раньше, что наше я осталось. Иначе, если б души не существовало и если б наши умственные способности были простой функцией мозга, мы не могли бы говорить, что у нас есть тело; в таком случае мы принадлежали бы нашему телу, нашему мозгу. Сверх того, наше сознание в таком случае должно бы было со временем видоизменяться, мы не имели бы ни уверенности, ни даже сознания нашей тождественности, и мы не отвечали бы за намерения и поступки молекул, прошедших через наш мозг несколько месяцев тому назад. Душа не есть жизненная сила, ибо последняя может быть измерена, передается путем произрождения другим организмам, не обладает сознанием, рождается, растет, слабеет и умирает, чего никогда не происходит с душой, лишенной материальности, неизмеримой, неспособной к перенесению в другое тело, сознательной. Развитие жизненной силы может быть представлено геометрически в виде двойной воронки, сначала расширяющейся, а потом опять все более суживающейся. Между тем душа в середине жизненного пути не расширяется (если можно так выразиться) для того, чтобы затем сократиться, а раскрывает свою параболу в бесконечность. Помимо того, образ существования души совершенно отличен от телесного существования. Это существование *духовное*. Распознавание справедливости и несправедливости, истины и лжи, добра и зла, знание, математика, анализ, синтез, умозрение, любовь, привязанность и ненависть, уважение и презрение, одним словом, — все проявления душевной деятельности, какое бы мы из них ни взяли, принадлежат к миру духа и этики, недоступному ни для атомов, ни для физических сил и тем не менее столь же реальному, как и мир физический. Никакая химическая или механическая деятельность мозговых клеток, как бы она ни была тонка и деликатна, не в состоянии привести к умозаключению, что, например, 4 умноженное на 4 равно 16 или что три угла треугольника равны двум прямым.

Эти три элемента человеческой личности суть не что иное, как элементы вселенной: 1) атомы, материальные, инертные пассивные миры, 2) активные физические силы, управляющие мирами и трансформирующиеся одна в другую, 3) Бог, вечный и бесконечный дух, духовный создатель математических законов, которым подчиняются силы, неведомое существо, олицетворение высших принципов истины, красоты и блага.

Душа может быть соединена с телом лишь при помощи посредствующей жизненной силы. Когда жизнь угасает, душа, разумеется, отходит от тела, и утрачивает всякое отношение к пространству и времени. Она не имеет ни веса, ни протяжения. После смерти она остается в том месте неба, где проходила земля в момент отделения души от тела. Ты знаешь, что земля — планета, вроде, например, Венеры или Юпитера. Она движется вдоль своей орбиты со скоростью 12.700 километров в час. Таким образом, через какой-нибудь час, вследствие одного освобождения от законов материи и вследствие своей неподвижности, душа находится уже на большом расстоянии от тела. Все дело в том, что, не имея веса, душа не находится под влиянием земного притяжения. Во всяком случае я должен прибавить, что душе нужно некоторое время, чтобы отделиться от тела, и что душа, удерживаемая магнетической силой, иногда остается в нем по нескольку дней, неохотно оставляя тело. Но вообще, обладая совершенно особенными способностями, душа может быстро переноситься из одного места пространства в другое.

Quaerens. — Я в первый раз познал в осязательной форме явление смерти, явление, в котором нет ничего сверхъестественного, и только теперь я начинаю понимать индивидуальное существование души,

ее независимость от тела и жизни, ее природу, ее бытие и столь ясное значение в другом мире. Эта синтетическая теория подготавливает меня, как мне кажется, к восприятию твоего откровения.

Ты сказал, что при твоём вступлении в вечную жизнь с тобою совершилось нечто совершенно необычайное. Когда же это произошло?

Lumen. — Ты это сейчас узнаешь, мой друг. Но дай мне рассказать все по порядку. Ты помнишь, может быть, что когда мои старые каминные часы пробили полночь, и полная луна с высоты неба бросила на мой смертный одр свой бледный луч, моя дочь, мой внук и друзья моих дум удалились, чтобы хоть несколько отдохнуть; ты же остался у моего изголовья, обещав моей дочери не отходить от меня до утра. Если бы наши братские отношения не делали этого излишним, мне пришлось бы благодарить тебя за столь нежное и трогательное участие. Так продолжалось не менее получаса. Полночная звезда склонялась уже к горизонту. Я взял твою руку и сказал тебе, что жизнь уже покидает мои конечности. Ты меня уверял в противном, но я прекрасно сознавал мое физиологическое состояние и был уверен, что мне оставалось жить всего лишь несколько мгновений. Ты направился было в комнаты моих детей, но я (уж не знаю, откуда у меня взялась на это сила) крикнул тебе, чтоб ты вернулся. Со слезами в глазах ты подошел ко мне и сказал: «Действительно, твоя воля уже известна, а завтра утром еще будет время позвать детей». В этих словах было противоречие, которое я заметил, не дав однако этого понять. Помнишь ли ты, как я попросил тебя открыть окно. Была чудная октябрьская ночь, прекраснее дивной ночи шотландских бардов, воспетой Оссианом. Недалеко от горизонта виднелись Плеяды, затуманенные поднимающимся с земли туманом. Недалеке царственно парили Кастор и Поллукс. А в высоте, образуя как бы звездный треугольник с предшествующими звездами, сияла в созвездии Возницы прекрасная звезда с золотыми лучами, изображаемая на краю зодиакальных карт и носящая название Капеллы.

Ты видишь, память мне не изменила. Когда ты открыл окно, запах очарованных волшебницей-ночью роз ворвался ко мне и смешался с молчаливым сиянием звезд. Словами не выразить того блаженства, которое дали моей душе эти последние мгновения моей земной жизни, последние впечатления не исчезнувших еще чувств. Никогда еще, ни в часы самого беззаботного опьянения, ни в часы самого сладкого счастья, я не испытывал такой неизмеримой радости, такого полного довольства, такого небесного блаженства, какое дали мне эти немногие мгновения, освеженные запахом ароматных цветов и озаренные нежным взором далеких звезд...

В этот момент ты опять подошел ко мне, и твое возвращение вывело меня из забытья. Сложив руки на груди, я сосредоточился взором и мыслью в молитвенном созерцании. Я знал, что скоро внешний мир перестанет существовать для меня. И я помню, что мои губы шептали: «Прощай, старый друг, я чувствую дыхание смерти. Когда заря погасит эти звезды, здесь будет только бездыханный труп. Скажи моей дочери, чтобы она воспитала своих детей в созерцании вечных благ».

Опустившись перед моей постелью на колени, ты плакал. Я сказал тебе: «Прочти чудную молитву Христа». И ты дрожащим голосом начал читать «Отче наш»...

«...И остави... нам... долги наша... якоже... и мы... оставляем... должником... нашим...»

Это были последние слова, долетевшие до меня при посредстве земных чувств. Мой взор, устремленный на звезду Капеллу, померк, и я не знаю, что было дальше.

Года, дни и часы создаются движением земли. Помимо этого движения, земного времени в пространстве не существует, и, следовательно, вне земли нельзя составить и представления о нем. Тем не менее я думаю, что событие, о котором я хочу рассказать, совершилось в самый день моей смерти. Ибо, как ты узнаешь об этом сейчас, мое тело еще не было погребено, когда промелькнуло предо мной это видение.

Я родился в 1793 году; в момент смерти мне было, следовательно, 72 года и потому я был немало

поражен, почувствовав в себе такой же огонь и бодрость духа, как бывало в лучшие дни моей юности. У меня не было тела, и тем не менее я не был бесплотен, ибо я чувствовал и видел, что у меня есть плоть; однако, эта плоть совершенно не походила на земное тело. Я не могу объяснить, каким образом я неся по небесному пространству. Какая-то сила влекла меня к великолепному золотистому солнцу, сияние которого, однако, не ослепляло меня. Его окружали, как я увидел еще издали, многочисленные небесные тела, каждое из которых было заключено в одно или несколько колец. Та же непонятная сила влекла меня к одному из них. Звездное пространство было как бы изрезано радугами. Золотистое солнце скрылось из моих глаз. Вокруг меня царилла какая-то многоцветная ночь.

Мое духовное зрение было несравненно лучше земного. Странно было то, что оно как будто подчинялось моим желаниям. Достаточно сказать, что я видел не одни только неподвижные звезды; я ясно различал вращающиеся вокруг них планеты и — странная вещь — когда мне не хотелось более видеть звезду, стеснявшую меня в наблюдении вращающихся вокруг нее планет, она исчезала из моих глаз. Даже более: когда мой взор сосредоточивался на какой-нибудь отдельной планете, я различал вид ее поверхности, материки и моря, облака и реки, и хотя небесные тела мне вовсе не представлялись в увеличенном виде, подобно тому, как это бывает в телескопе, мне удавалось, при помощи какой-то особой концентрации моего духовного зрения, видеть и более мелкие объекты, на которых останавливался мой взор, например, деревню, город.

Попав в этот кольцеобразный мир, я принял и сам вид обитателей этого мира. Моя душа как будто притянула к себе атомы нового тела. На земле живые тела состоят из соприкасающихся между собою молекул, постоянно возобновляющихся путем дыхания и питания. В этом же мире оболочка души создается гораздо быстрее. Я чувствовал в себе гораздо более жизненной силы, чем фантастические существа, страдания и печали которых воспел Данте. И одною из самых характерных особенностей обитателей этого нового мира является именно удивительная сила зрения.

Quaerens. — Но скажи мне, мой друг (хотя мой вопрос покажется тебе, может быть, очень наивным), разве ты не смешивал на таком огромном расстоянии планеты со звездами, около которых они вращаются; например, не смешивал ли ты планеты нашей системы с нашей звездой, т. е. с солнцем? Мог ли ты заметить хотя бы землю?

Lumen. — Ты воспользовался геометрическим аргументом, который, по-видимому, противоречит моим словам. Действительно, на известном расстоянии планеты исчезают из глаз в сиянии своего солнца, и нашим земным очам они недоступны. Ты знаешь, что с Сатурна уже нельзя различить Земли. Но это затруднение обуславливается столь же несовершенством нашего зрения, сколько геометрическим законом исчезновения поверхностей. В мире, куда попал я, населяющие его существа не облечены грубою телесною оболочкой, как здесь; ничто не стесняет их. Способность к восприятию у них гораздо значительнее, и они могут, как я тебе сказал, отделить освещенный предмет от источника света и даже подробно рассмотреть детали, на одинаковых расстояниях совершенно недоступные земному взору.

Quaerens. — Может быть, они обладают для этого инструментами, более совершенными, чем наши телескопы?

Lumen. — Если тебе легче составить представление о силе их зрения, предположив, что они пользуются усовершенствованными приспособлениями, ты можешь допустить это теоретически. Представь себе, что они вооружены очками, которые, посредством передвижения стекол и благодаря особой системе перегородок, поочередно приближают планеты и удаляют с поля зрения источники света для наблюдения планет. Но я должен прибавить, что это совершенно особая способность, отличная от обычного зрения, и что она обуславливается удивительными оптическими приспособлениями, которыми снабжены обитатели тех сфер. Разумеется, такая сила зрения и такие оптические приспособления не представляют там ничего сверхъестественного. Вспомни о насекомых, которые могут сокращать и вытягивать свои глаза подобно

биноклю, округлять и уплощать свой хрусталик, превращая его в лупу различной силы, и, наконец, направлять на один и тот же объект по нескольку глаз, которыми они пользуются при этом, как микроскопами для наблюдения бесконечно малых предметов, — и тебе не трудно уже будет постигнуть особенности зрения у неземных существ, о которых я говорю.

Quaerens. — Я не могу себе этого представить, потому что это превышает мои способности; но я могу допустить возможность подобного явления. — Итак, ты видел землю и на ней города и деревни нашего бренного мира?

Lumen. — Не прерывай меня. Как я уже говорил, я попал в кольцо такого огромного диаметра, что в него могли бы вместиться не менее двухсот таких планет, как земля. Я очутился на горе, увенчанной как бы приросшими к поверхности дворцами. По крайней мере, мне эти фантастические замки казались лишь сплетениями ветвей и гигантских цветов. Это был довольно населенный город. На вершине горы, куда я опустился, я заметил группу стариков в количестве двадцати пяти или тридцати, рассматривавших с чрезвычайно напряженным и сосредоточенным вниманием красивую звезду из восточного созвездия Жертвенника, на краю Млечного пути. Они не заметили моего прибытия в их среду: все их воспринимающие способности были сосредоточены на исследовании этой звезды или одной из планет ее системы.

Что до меня, то я заметил, что получил точно такое же тело, как и они, попав в эту среду. Представь себе мое удивление, когда я услышал, что собравшиеся говорили ни о чем ином, как о земле, да — о земле; они говорили на том всеобщем языке, который одинаково доступен всякому живому существу, — от серафима до лесного куста. Разговор у них был даже не о земле вообще, а специально о Франции. «К чему эти вечные избиения, — говорили они, — разве первенство принадлежит грубой силе? Гражданская война отнимает у народа его последних защитников и обагрят ручьями крови улицы еще недавно ликовавшей, блестящей и смеющейся столицы».

Я ничего не понимал в этих речах, хотя только что с быстротою мысли прилетел с земли, и хотя еще накануне я лежал в мирной и спокойной столице. Я присоединился к беседовавшим и подобно им устремил свой взор на прекрасную звезду. Вслушиваясь в их разговоры и стараясь увидеть те необыкновенные вещи, о которых они говорили, я увидел несколько влево от звезды бледно-голубой диск: это была земля. Издали, с одной из соседних звезд, ваша система представляется духовному взору целой семьей планет, состоящей из восьми главных планет, вращающихся вокруг солнца. Юпитер и Сатурн, вследствие своей величины, прежде всего бросаются в глаза, затем нетрудно заметить Уран и Нептун, потом, совсем около солнца, вы видите Землю и Марс. Венеру очень трудно увидеть, а Меркурий, вследствие чрезвычайной близости к солнцу, остается невидимым. Такова планетная система, видимая с неба.

Мое внимание было всецело поглощено миниатюрным диском, около которого я заметил луну. Скоро я увидел снежные поля северного полюса, желтый треугольник Африки, контуры океана, и так как я заинтересовался одной только Землей, а до остального мне не было дела, то солнце совершенно исчезло из глаз моих. Мало-помалу я стал различать на ровной сияющей поверхности Земли как бы разрыв, и в глубине его виднелся город. Мне не трудно было догадаться, что предо мной открылась Франция и что город, показавшийся перед моими глазами, — Париж. Первым признаком, по которому я узнал его, была серебристая лента Сены; узнать ее было нетрудно по начинающимся у Парижа прихотливым излучинам течения.

Мой взор остановился на обсерватории; она была моим любимым местопребыванием, которого я не покидал в течение сорока лет. Представь, каково было мое удивление, когда я, взглядевшись, не нашел проходящего между Люксембургом и обсерваторией бульвара; на месте украшавшей его роскошной аллеи каштанов раскинулись монастырские сады.

Сначала у меня в голове мелькнула идея, что я употребил на перемещение с земли не несколько дней, как показалось мне, а, по всей вероятности, несколько лет, может быть, несколько веков. Так как понятие времени по существу относительно, и наши меры времени за пределами Земли теряют всякое значение, я мог утратить всякое представление о движении его, и я сообразил, что года и века могли пройти на моих глазах совершенно незаметным образом, так как я, говоря вульгарным языком, слишком был заинтересован своим путешествием, чтобы время мне могло показаться долгим. Не имея никакой возможности удостовериться в истинном положении дела, я, наверное, так бы и остался в убеждении, что со времени моего пребывания на земле прошли целые года и века и что перед моими глазами открывался конец двадцатого или двадцать первого века. Но тут мне бросились в глаза еще кое-какие подробности.

Мало-помалу я начал ориентироваться в городе и восстанавливать улицы и здания, которые мне были памяты со времен моей юности. Ратуша была вся разукрашена флагами, а Тюильри выставлял напоказ свой спиральный купол. Одна мелкая подробность дала мне, наконец, ключ к загадке. Я заметил в глубине монастырского сада улицы Сен-Жак беседку, при виде которой во мне затрепетало сердце. Здесь во времена юности я встретился с женщиной, которая полюбила меня такой беспредельной любовью, — с моей нежной и преданной Эйвлис. Она пожертвовала всем, чтобы разделить мою судьбу. Я увидел маленький купол террасы, перед которой мы так любили мечтать по вечерам, наблюдая небесные созвездия. О, как я блаженствовал во время этих прогулок, когда мы, идя нога в ногу, углублялись в эти аллеи, скрывавшие нас от нескромных взоров ревнивого месяца! Я смотрел на эту беседку и убеждался, что она осталась такою же, как и была. Легко представить себе, что одного этого факта было для меня совершенно достаточно, чтобы убедить меня бесповоротно и окончательно, что вопреки всему, что можно было предположить, предо мной был вовсе не тот Париж, каким он мог сделаться *после моей смерти*, а, наоборот, *Париж минувшего*, старый Париж начала нынешнего века или конца предшествующего.

Тебе не трудно представить, что, несмотря на полную очевидность этого факта, я все еще не верил своим глазам. Мне было гораздо легче вообразить, что Париж постарел, что он изменился

уже после моей смерти (я совершенно не знал, сколько времени прошло с тех пор), что я вижу город будущего. Я продолжал внимательно рассматривать Париж, чтобы окончательно убедиться, был ли это, действительно, старый Париж, теперь уже отчасти исчезнувший, или — что было бы во всяком случае несколько не более удивительно — перед моими глазами открывался другой Париж, другая Франция, другая земля.

II

Quaerens. — Какой благоприятный случай для твоего критического ума! Но как же удалось тебе в конце концов разобраться во всех этих впечатлениях?

Lumen. — Пока я размышлял над всем виденным мною, старцы продолжали беседовать. Вдруг самый старый из них, патриарх с головою Нестора, внушавший невольное уважение, грустным голосом вскричал:

— Братья, на колени! Будем просить милости у вездесущего Бога. Эта земля, этот город, этот народ все еще обливаются кровью: только что скатилась новая голова, и это голова короля.

Остальные собеседники, казалось, поняли его, ибо они преклонили колена и обратили свои седые головы к земле.

Что до меня, то я все еще не был в состоянии различать отдельных людей на улицах и площадях и потому не мог вполне понять происходившего. Когда старцы опустили на колена, я один продолжал стоять, всматриваясь в подробности открывавшегося предо мною зрелища.

— Чужеземец, — обратился ко мне старик, — вы, кажется, порицаете образ действий ваших братьев, так как вы не хотите присоединиться к их молитве?

— Я не могу ни одобрять, ни порицать того, чего я не понимаю, — отвечал я. — Я только недавно вступил на этот холм и не знаю, что побудило вас приступить к молитве.

При этом я подошел к старцу, и пока другие поднимались с колен и беседовали друг с другом, я попросил его рассказать мне, что так взволновало их и заставило обратиться с молитвой к Богу.

Я узнал от него, что духи, подобные обитателям тех сфер, куда я попал, благодаря особенностям своих умственных способностей и силе восприятия, находятся в каком-то магнетическом общении с соседними звездами. Таких звезд около двенадцати или пятнадцати. За пределами этой ближайшей группы наблюдения их становятся уже сбивчивее. Наше солнце является одною из ближайших звезд. Потому-то старцы знакомы, хотя и не особенно обстоятельно, но все же в достаточной степени с состоянием планетных обитателей солнечной системы и степенью их умственного и культурного развития.

Когда же население одной из этих планет становится жертвой какого-нибудь крупного физического или общественного переворота, они испытывают нечто вроде внутреннего сотрясения, подобно тому, как колебание одной струны передается на расстоянии другой струне.

В течение последнего года (а год этой планеты равняется десяти нашим), какая-то сила притягивала внимание ее обитателей к земле. Они следили за происходившими на ней событиями с волнением и интересом. Им пришлось быть свидетелями конца прежнего режима, торжества свободы, провозглашения прав человека, признания великих принципов человеческого достоинства. Потом они увидели, как священное дело свободы компрометировалось именно теми, которым следовало бы быть ее первыми защитниками, и как грубая сила заняла место разума и убеждения. Я понял, что дело шло о великой революции 1789 г. и о падении старого государственного строя. С некоторого времени им приходилось с сердечною болью следить за успехами террора. Они тревожились за будущее земли и начинали сомневаться в возможности прогресса для человечества, безрассудно утратившего только что приобретенные блага.

Я не был свидетелем событий 93 г., потому что в этом самом году я родился. С невыразимым интересом я следил за той сценой, которая происходила теперь на моих глазах и о которой я раньше знал лишь из повествований историков. Но как ни был велик мой интерес к исчезнувшей эпохе, ты легко поймешь, что он все же не мог заглушить во мне чувства еще более могущественного, подсказывавшего мне, что *в настоящее время конец 1864 года и что я вижу давно свершившиеся события конца прошлого века.*

Quaerens. — Мне кажется, что это сознание невозможности должно было сильно ослаблять впечатление. Ведь перед тобою было видение, явно обманчивое и недопустимое даже при условии полной очевидности и несомненности.

Lumen. — Да, мой друг, ты прав. Можешь себе представить, в каком состоянии находился я, видя перед собою это воплощенное противоречие. Я буквально не верил своим глазам. Я не мог отрицать виденного, но не мог и допустить его.

Quaerens. — Но не было ли это созданием твоего духа, продуктом твоего воображения, отголоском пережитого? Уверен ли ты, что перед тобою была действительность, а не игра памяти?

Lumen. — Такова первая мысль, пришедшая мне на ум. Но для меня было столь ясно, что предо мною открывался Париж 1793 года в день 21 января, что у меня не оставалось места сомнению. И сверх того, подобное объяснение не годилось уже потому, что собравшиеся на холме старцы заметили происходившее еще раньше меня, что они видели перед собою и обсуждали действительные события, не имея никакого представления ни об истории земли, ни о моем знакомстве с нею. И, наконец, перед нами было настоящее, а вовсе не прошлое.

Quaerens. — Но в таком случае, если прошедшее может преобразиться в настоящее, если действительность и воображение безраздельно сливаются, если люди давно умершие могут снова фигурировать; если могут исчезнуть вновь возникшие здания и сгладиться все происшедшие с течением времени перемены во внешнем облике города; если, наконец, настоящее может быть побеждено прошедшим, то на что же мы можем еще положиться? Во что превратятся опытные знания? Что делается с научными выводами и обобщениями? Что станет вообще с нашими самыми прочными познаниями? И если все это, действительно, истинно, не придется ли нам усомниться во всем или уверовать во все?

Lumen. — Эти соображения, равно как и целый ряд других, действительно волновали и мучили меня; но они не могли уничтожить фактов, с которыми мне приходилось считаться. Когда я удостоверился, что перед нашими глазами, действительно, 1793 год, то у меня в голове мелькнула мысль, что вместо того, чтобы отвергать факты (а две истины не могут противоречить друг другу), наука должна была объяснить мне это явление. Я обратился за помощью к физике и получил ответ.

Quaerens. — Как? Значит, это было действительно так?

Lumen. — Да, это не только истина, но вместе с тем истина совершенно понятная и не заключающая в себе ничего сверхъестественного. Я могу дать астрономическое объяснение ее.

Сначала я обратил внимание на положение Земли в созвездии Жертвенника, о котором я уже упоминал. Приняв в соображение относительное положение Полярной звезды и Зодиака, я заметил, что созвездия вообще мало отличались от тех, которые видны с земли, и что, за исключением некоторых отдельных звезд, их положение было почти то же самое. Орион царил по-прежнему над земным экватором. Большая Медведица, остановившись на своем сферическом пути, все еще напоминала север. Определив координаты видимых движений, я пришел к выводу, что пункт, в котором находилась группа солнца, земли и планет, находится в семнадцатом часу прямого восхождения, т. е. под 256° приблизительно (у меня не было инструментов для точных измерений). Далее я заметил, что эта группа находилась на 66 -градусном расстоянии от южного полюса. Все это давало мне возможность определить, на каком из небесных тел находился я. Я пришел к заключению, что оно должно находиться под 76° прямого восхождения и 45° северного склонения. С другой стороны, из слов старика мне было известно, что мы находимся недалеко от земного солнца и что оно считалось одною из соседних звезд. При помощи этих данных мне уже не трудно было сообразить, какая звезда соответствует этому положению. Это могла быть только звезда первой величины, Альфа Возницы, называемая также Капеллой.

Таким образом, я мог с уверенностью предположить, что я находился на одной из планет, входящих в систему этой звезды. Оттуда солнце казалось простою звездой в созвездии Алтаря, которое с земли кажется лежащим как раз напротив созвездия Возницы.

Я старался припомнить параллакс этой звезды, вычисленный одним из моих русских друзей. По вычислению этого астронома, оказавшемуся верным, параллакс Капеллы составлял $0,046$. Вспомнив эту цифру, я почувствовал, что близок к решению таинственной загадки. Мое сердце трепетало от радости.

Всякий геометр знает, что параллакс служит математическим выражением расстояния, в единицах взятой за основание величины. Поэтому, зная его, мне не трудно было вспомнить, какое расстояние должно отделять звезду, в сфере которой я находился от земли, и даже, если бы это понадобилось, точно вычислить его. Для этого стоило только отыскать, какое число соответствует $0,046$.

Выраженное в миллионах лье, это расстояние составит $170.392.000$. Таким образом, для того, чтобы добраться до земли, пришлось бы преодолеть пространство в 170 триллионов 392 миллиарда лье^[2].

Главное теперь уже было сделано, и загадка на три четверти разрешена. Объяснение же кажущегося столь странным явления заключается в следующем.

Ты знаешь, что свет пробегает пространство не моментально и что ему нужно на это известное время. Тебе случалось, конечно, наблюдать, как образует камень, брошенный в воду, ряд кругов на поверхности. Подобно этим волнам распространяется звук. Точно так же распространяется и свет. Волны распространяются в пространство путем последовательных колебаний.

Звездный луч требует известного времени, чтобы достигнуть земли, и продолжительность этого времени соразмеряется, разумеется, с расстоянием, отделяющим землю от данной звезды.

Звук пробегает 340 метров в секунду. Пушечный выстрел гремит в ушах артиллеристов вместе с появлением дыма. На расстоянии в 340 метров он слышен лишь через секунду; расстояние в километр он пробегает в 3 секунды. Через 12 секунд выстрел слышен за 4 километра, через 2 минуты — на расстоянии в 10 раз большем. Через пять минут звук выстрела достигает до ушей человека, находящегося за 100 километров.

Свет распространяется с значительно большей быстротой, но все же не мгновенно, как думали в старину. Он пробегает 300,000 километров в секунду и мог бы обежать за это время восемь раз вокруг земного шара, если бы только он мог двигаться по кривой линии. Ему нужно 1 и 1/4 секунды для того, чтобы попасть с луны на землю, 8 минут 13 секунд, чтобы пройти от солнца, 42 минуты — с Юпитера, 2 часа — с Урана, 4 часа — с Нептуна. Мы видим поэтому небесные тела не в том виде, какими они должны быть в момент наблюдения, а какими они были в момент исхождения луча. Если бы, например, на одной из перечисленных выше планет произошло извержение вулкана, то мы заметили бы это явление лишь через 1 и 1/4 секунды, если бы оно произошло на луне, через 42 минуты, если бы это было на Юпитере, через 2 часа — на Уране и через 4 часа — на Нептуне.

Если мы выйдем за пределы планетной системы, то у нас получатся несравненно большие расстояния, и задержка световых лучей в пространстве будет гораздо больше. Таким образом, лучи света, исходя из ближайшей к нам звезды Альфа в созвездии Центавра, могут только через 4 года дойти до нас. Луч, исходящий с Сириуса, пронизывает разделяющее эту звезду от нас пространство в течение целых 10 лет.

Звезда Капелла удалена от нас на еще большее расстояние. Нетрудно вычислить, во сколько времени свет может пройти расстояние между землей и Капеллой. Принимая по 300.000 километров в секунду, мы получим 71 год 8 месяцев и 24 дня. Лишь через это время луч Капеллы достигает земли.

Точно так же и луч, исходящий с земли, требует для того, чтобы достигнуть Капеллы, 71 год 8 месяцев 24 дня.

Quaerens. — Если луч света, исходящий из этой звезды, достигает нас почти через 72 года, значит, он дает нам представление о блеске ее 72 года тому назад?

Lumen. — Ты совершенно прав. В этом вся суть.

Quaerens. — Другими словами, световой луч является к нам как бы в качестве курьера, посланного для того, чтобы известить о состоянии высланной его страны, так что, если ему нужно для совершения своего путешествия 72 года, он доставляет нам сведения за столько же лет тому назад.

Lumen. — Ты разгадал истину. Твое сравнение мне показывает, что ты приподнял край завесы. Говоря точнее, световой луч — курьер, приносящий нам не известия, а фотографию или, еще более точно, *самый вид* страны, откуда он вышел. Нам этот вид представляется таким, какой имела страна в момент выделения или отражения лучей, исходящих из каждой ее точки и дающих нам представление о ней. Не может быть ничего проще и очевиднее этого. Поэтому, наблюдая в телескоп, например, поверхность какой-нибудь звезды, мы видим ее не такой, какова она в данный момент в действительности, а в том виде, какой имела она в тот

момент, когда дошедший до нас свет был выделен ее поверхностью.

Quaerens. — Так что, если бы, например, какая-нибудь звезда, луч которой доходит к нам через десять лет, внезапно потухла, то мы продолжали бы видеть ее еще в течение десяти лет, так как ее последний луч померк бы только через этот промежуток времени?

Lumen. — Совершенно верно. Одним словом, лучи света, посылаемые нам звездами, доходят до нас не тотчас, а только по истечении времени, которое требуется для прохождения промежуточного пространства, и звезды кажутся нам, поэтому, такими, какими были они в момент выхода лучей света, передавших нам их облик.

В этом и заключается тайна поразительного превращения прошлого в настоящее. Для наблюдаемой звезды это невозвратное прошлое, для наблюдателя же — настоящее. Прошлое звезды является как раз настоящим наблюдателя. Так как вид небесных тел изменяется из году в год и почти изо дня в день, мысленно его можно представить себе исчезающим куда-то в пространство и уносящимся в бесконечность, чтобы вновь открыться перед глазами отдаленных наблюдателей. Всякий облик сопровождается рядом других; они несут в пространство подобно волнам прошедшее миров, проявляющееся перед встречными наблюдателями. То, что мы видим в звездном мире, относится к прошедшему; совершающиеся же в данный момент перемены недоступны еще для нас.

Мы не видим ни одной из звезд в том ее настоящем виде, какой она имеет в данный момент, и знаем лишь то, какой вид имела она в момент выхода луча.

Мы видим не настоящее небо, а прошлое. Есть даже небесные тела, которые перестали существовать десятки тысяч лет тому назад, но которые мы все еще видим, так как видимый для нас луч вышел еще до исчезновения вышедшего его небесного тела. Некоторые звезды, движения и природу которых так усердно стараются определить астрономы, в действительности исчезли задолго до появления первого астронома на земле. Если бы весь звездный мир в один прекрасный момент исчез, это нисколько не помешало бы видеть его и на другой день, и через год, и даже через тысячи, десятки и даже сотни тысяч лет, за исключением только ближайших звезд, которые погасли бы мало-помалу, по мере истечения времени, необходимого для прохождения световых лучей через промежуточное расстояние, отделяющее их от земли. Если же с земли звезду Капеллу видят такою, какой она была 72 года тому назад, то и с Капеллы землю можно наблюдать также по истечении 72 лет. Свету нужно столько же времени для того, чтобы пробежать одинаковое расстояние.

Quaerens. — Учитель! Я внимательно следил за твоими разъяснениями. Но скажи мне, разве земля блестит издали подобно звезде? Ведь она не испускает собственных лучей.

Lumen. — Она отражает в пространство свет, получаемый ею от солнца. Чем значительнее расстояние, отделяющее ее от наблюдателя, тем более наша планета походит на звезду, тем меньше диск, на котором концентрируются лучи, бросаемые на нее солнцем. Таким образом, если смотреть на землю с луны, поверхность земли покажется в четырнадцать раз больше своего спутника. С планеты Венеры земля кажется столь же блестящей, как Юпитер с земли. С Марса земля представляется утренней и вечерней звездой с фазами, как у Венеры при наблюдении с земли. Так что, хотя земля и не светится сама по себе, она блестит издали, подобно луне и планетам, отражая свет, получаемый от солнца. Но подобно тому, как, например, все перемены в состоянии Нептуна видимы на земле по истечении четырех часов, земные события видимы с Нептуна только через четыре часа, если рассматривать их из орбиты Нептуна. А с Капеллы земля видима с опозданием почти 72-х лет.

Quaerens. — Как ни странно и как ни новы для меня все эти факты, я теперь вполне понимаю, почему ты с Капеллы увидел землю не в том состоянии, в каком она должна бы была находиться в октябре 1864 г., в момент твоей смерти, а в том виде, какой имела она в январе 1793 года. Я понимаю, что это не было ни

призрачное видение, ни игра памяти, ни вообще что-либо сверхъестественное или чудесное, а реальный, вполне понятный, естественный и несомненный факт. То, что на земле отошло уже в область минувшего, для наблюдателя, расположенного на столь значительном расстоянии, является настоящим. Но позволь мне сделать один вопрос, учитель: ведь для того, чтобы сделаться очевидцем прошлого, тебе пришлось бы пересечь расстояние, отделяющее Капеллу от земли, с гораздо большей скоростью, чем это возможно для света?

Lumen. — Я ведь уже говорил, что я двигался в пространстве, по всей видимости, со скоростью мысли и что я в самый день моей смерти очутился уже в системе Капеллы, которой я так восхищался в течение моего пребывания на земле и которую я всегда так любил.

Quaerens. — Хотя твое объяснение, учитель, не оставляет желать ничего лучшего, то, что я узнал от тебя, с трудом укладывается в кругозор человеческого ума. Видеть прошедшее, не как прошедшее, а как настоящее и еще незавершенное, не имея в то же время возможности наблюдать действительно происходящее на других небесных телах в данный момент, и не будучи даже в состоянии отнестись наблюдения к одному и тому же моменту их существования; чувствовать себя свидетелем совершенно различных эпох в зависимости от расстояния, которое отделяет их от земли — все это совершенно не соответствует нашим представлениям о возможном и натуральном.

Lumen. — Вполне естественное удивление, которое вызывает в тебе мое повествование, будет лишь прелюдией к тем еще более необычным явлениям, о которых я поведаю свой рассказ теперь. Тот факт, что удалясь на достаточное расстояние от небесного тела, можно сделаться очевидцем минувших событий и остановить таким образом руку времен, без всякого сомнения, должен поражать воображение. Но если ты хочешь, чтобы я продолжал свое повествование о событиях, последовавших за моею смертью, то я расскажу тебе еще более странные вещи, которые приведут тебя в несравненно большее удивление.

Quaerens. — Продолжай, пожалуйста. Я сгораю от нетерпения.

III

Lumen. — Отвернувшись от кровавых сцен революции, я почувствовал, что меня что-то притягивает к зданию старого стиля, расположенному напротив Нотр-Дама на том самом месте, где теперь находится паперть. У калитки этого дома виднелась группа из пяти человек, расположившихся на деревянных скамьях с непокрытыми головами под самым солнцепеком. Через некоторое время они поднялись и пошли. В одном из этих людей я узнал своего отца, казавшегося моложе, чем я его когда-либо видел. Тут же была моя мать, тоже помолодевшая еще более отца, и один из моих кузенов, умерший 40 лет тому назад, в один год с моим отцом. Я не сразу узнал их, потому что их лица я видел не со стороны, а сверху, как бы из верхних этажей высокого дома. Я был немало поражен этой встречей и мне тут вспомнилось, что в детстве я слышал, будто мои родители до моего рождения жили на площади Нотр-Дам.

Потрясенный до глубины души, я почувствовал, что мой взор застилается туманом и что очертания сливаются перед моими глазами. Париж скрылся у меня из виду, как бы окутанный облаками. Одно мгновение мне казалось, будто меня охватил какой-то вихрь. Впрочем, о времени, как я уже говорил, у меня не осталось ни малейшего представления.

Когда я снова стал различать предметы, я увидел толпу детей, бежавших на площади Пантеона. Это были школьники, судя по тому, что все они были нагружены книгами и тетрадями, только что вышедшие из класса и направлявшиеся с шумом и шалостями домой. Двое из них особенно привлекли мое внимание, между ними, по-видимому, завязался какой-то спор, и они, было, затеяли драку. Здесь подошел к ним третий, чтобы разнять их. Но в тот же момент получил такой удар в грудь, что повалился на землю... Тут я увидел, что к мальчикам подбежала какая-то женщина. Это была моя мать.

Нет!.. Никогда в течение семидесяти двух лет земного существования, среди всевозможных

испытаний, превратностей и непредвиденных ударов судьбы, среди всех событий жизни, всех ее случайностей, всяческих передрыг, которые мне случалось испытывать, никогда еще я не испытал такого удивления, как в этот момент, когда я увидел... *самого себя*.

Quaerens. — Самого себя?

Lumen. — Самого себя! Можешь себе представить, сколько разнообразных чувств должно было пробудить во мне это зрелище? Итак, этот мальчик никто иной, как я. Таким я был, действительно, до шести лет. Я видел себя столь же хорошо, как видели меня все другие присутствовавшие в саду. Тут не было ничего фантастического, ничего такого, что выходило бы за пределы факта. Это была сама действительность: я видел самого себя, свои поступки и свое тело. Если бы мои другие органы чувств у меня были столь же совершенны, как зрение, то я мог бы осязать самого себя и услышать звук собственного голоса. Я видел, как я сам же прыгал по саду и бегал вокруг окруженного балюстрадой бассейна с водой. Затем мой дед взял меня к себе на колени и дал мне какую-то большую книгу.

Так проносились передо мною годы. Следя за самим собою в моей семейной жизни, в многих поступках, в отношениях к другим, занятиях и т. д., я становился точно также свидетелем исторических событий.

Следя за событиями своей жизни я, наконец, достиг последних лет ее, замечательных по тому радикальному превращению, которое испытал Париж за это время. Я увидел своих друзей, себя самого, мою дочь и ее милых детей, свою семью и своих знакомых. Наконец, наступил и тот момент, когда я увидел себя на ложе смерти, и когда я мог присутствовать при погребении моего тела.

Нужно сказать, что к этому времени я был уже на земле.

Привлеченная всецело представлявшимся зрелищем, моя душа быстро позабыла гору старцев и Капеллу. Подобно тому, как это бывает иногда во сне, она устремилась к объекту своего наблюдения. Я сначала не заметил этого: до такой степени необычайное видение овладело моими чувствами. Я не могу сказать тебе ни того, на основании какого закона души могут так быстро перемещаться, ни определить той силы, которая двигает их. Но так или иначе я вернулся на землю менее, чем через день, и попал в свою комнату как раз в момент моего погребения.

Quaerens. — Размышляя о результатах концентрации мысли на каком-нибудь отдельном предмете и о неудержимом влечении, которое ее охватывает в данном случае, я начинаю думать, что такова главная пружина механизма снов.

Lumen. — Ты сказал истину, мой друг, и я могу ее подтвердить, так как в течение многих лет сновидения были объектом моего наблюдения и изучения. Когда душа, освободившись от телесных впечатлений, забот и волнений, видит во сне предмет, очаровывающий ее и приковывающий ее внимание, все другое исчезает и ступевывается перед этим предметом, и только он остается, превращаясь в центр целой вереницы образов; душа отдается своему влечению всецело и безраздельно; сновидение делается как бы ее частью. Реальный мир исчезает, уступая место созданию сновидения. Подобно тому, как случилось и со мной во время моего возвращения на землю, душа во время сновидения видит только привлекающий ее внимание образ и доступна только для тех мыслей и ощущений, которые так или иначе связаны с этим образом.

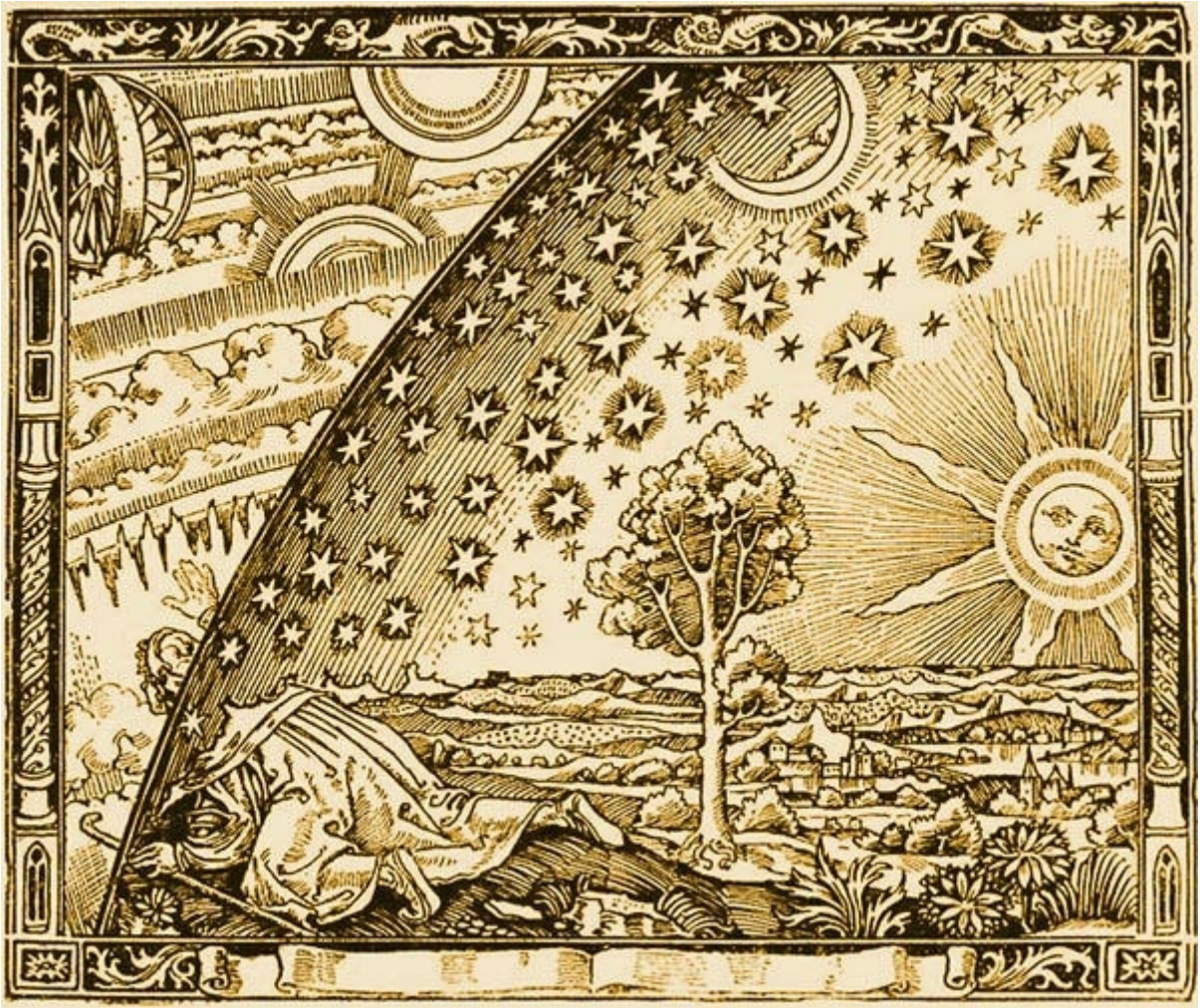
Quaerens. — Твое быстрое путешествие на Капеллу, равно как и не менее быстрое, возвращение на землю обуславливаются, по-видимому, именно этим психологическим законом. Твоя душа была даже свободнее, чем во сне, ибо ее не удерживали покровы тела. Я вспоминаю, что в былое время ты часто говорил, в беседах со мною, о силе желания. Итак, ты вернулся на землю и увидел свое тело еще не погребенным.

Lumen. — Да, я вернулся на землю и умиленно благословил искреннюю скорбь моей семьи, успокоил твое дружеское соболезнование, постарался внушить моим детям уверенность, что оплакиваемый ими бренный покров сделался для меня чем-то чуждым и что я сделался обитателем мира духов, бесконечного и безвестного небесного пространства.

Я видел погребальную процессию и заметил, что некоторые из называвшихся себя моими друзьями, ради своих дел сомнительной важности, не пожелали проводить мои останки до их последнего жилища. Я прислушивался к разговорам, которые велись во время похорон, и хотя в стране теней мы перестаем быть жадными к похвалам, тем не менее я чувствовал себя счастливым, убеждаясь, что мое пребывание на земле оставило но себе у всех присутствовавших доброе воспоминание.

Ты спросишь, в чем же заключалась таинственная причина, притягивавшая меня к Капелле? О чудо! В мире есть невидимые узы, которые не разрываются подобно узам земным; есть тесное общение душ, которое не ослабевает, несмотря ни на какие расстояния. Вечером этого второго дня, когда изумрудная луна входила в третье золотое кольцо (такова небесная мера времени), я очутился в уединенной аллее, напоенной чудным ароматом цветов. Несколько мгновений я задумчиво шел вперед по аллее, и вдруг увидел перед собою... прекрасную и столь дорогую мне Эйвлис. Она была в зрелом возрасте последних лет ее жизни, и, несмотря на превращение оболочки, на ее лице сохранились черты впечатлительности и сердечной доброты, явившиеся результатом жизни, прожитой по велениям сердца. Я не стану описывать той радости, с которой мы встретились. Теперь не время таким рассказам; но как-нибудь в другой раз мы поговорим о загробных привязанностях, сменяющих привязанности житейские. Скоро нам захотелось взглянуть вновь на землю, которая была нашим приемным отечеством и на которой мы провели так много счастливых и светлых дней. С тех пор мы часто обращали наши взоры к этой светлой точке, которая для нас представляла целый мир; часто мы сравнивали прошлое, как оно сохранилось в наших воспоминаниях, с достигающей до нас на крыльях света действительностью, ревностно воспроизводя события нашей юности. Таким образом, перед нами вновь промелькнули золотые годы нашей первой любви, монастырская беседка, цветущий сад, милые и веселые прогулки в окрестностях Парижа и наши уединенные путешествия вдвоем по полям. Для того, чтобы вернуться к этим годам, нам стоило только перенестись в то место пространства, где лучи света, приходя с земли, доносили к нам именно те картины, которые мы желали видеть.

Рассказ второй

Refluum temporis[3]

I

Quaerens. — Твой рассказ, прерванный появлением зари, наполнил мою душу стремлением проникнуть глубже в тайну явлений, о которых шла речь. Подобно тому, как ребенок, увидев лакомый плод, начинает просить его, а отведав, просит еще, так и моя любознательность разгорается все больше и больше, по мере моего ознакомления с парадоксами природы. Могу ли я просить тебя продолжать твой рассказ о впечатлениях загробной жизни?

Lumen. — Я не могу, мой друг, вполне удовлетворить твое любопытство. Как бы ни была подготовлена твоя душа к восприятию моих слов, я убежден, что не все подробности моего рассказа одинаково отчетливо запечатлелись в твоей памяти и что не все из них кажутся тебе одинаково очевидными. Мой рассказ твои друзья признали мистическим, совершенно не поняв того, что это не роман и не выдумка, а научная истина, физический факт, вполне объяснимый, неоспоримый и столь же положительный, как, например, падение аэролита или пушечный выстрел. Причиной, помешавшей тебе и твоим друзьям вполне постичь совершившееся со мною, является то обстоятельство, что все это происходило не на земле, а в чуждой вашим представлениям сфере. Естественно, что вы не все поняли. (Извини мне мою прямоту; но в мире духа нет стеснений: даже мысли не ускользают от наблюдения.) Вы можете понять только то, что принадлежит к миру ваших чувств. И так как вы склонны считать свои представления о времени и пространстве абсолютными, тогда как на самом деле они относительны, то для вас недоступны те истины, которые выходят за пределы вашей среды и не приспособлены к вашим телесным органам чувств. Поэтому я могу удовлетворить тебя, только продолжив свой рассказ.

Спустя несколько времени после моего отправления с земли, когда глаза моей души меланхолически устремились на мою родину, внимательное наблюдение в точке пересечения 45° северной широты и 35° долготы обнаружило предо мною серый треугольник твердой земли в верхней части Черного моря, на берегах которого, с западной стороны, толпы моих земных собратьев озлобленно убивали друг друга. Мои мысли кружились вокруг варварства войны, от которой вы все еще не избавились, и я узнал, что в этом углу Крыма пало 800.000 человек, не зная причины этой взаимной бойни. Европа была закрыта облаками.

Я тогда был не на Капелле, а в пространстве между этой звездой и землей, на половине расстояния Веги. Покинув землю за несколько времени пред этим, я направлялся к звезде, которую можно видеть с вашей родины с левой стороны от Капеллы. Однако, моя мысль, время от времени, возвращалась на землю. Немного спустя после того, как я сделал наблюдение, о котором я уже говорил, мои глаза сосредоточились на Париже, и я увидел, как он сделался жертвой народного возмущения. Исследуя с самым тщательным вниманием все то, что открывалось пред моими глазами, я увидел на бульварах, около ратуши и в длинных улицах города баррикады, из-за которых шла перестрелка. Первою мыслью, представившейся мне при этом, было, что предо мною новая революция и что Наполеон III свергнут с трона. Но в силу скрытого общения душ, мой взор приковала к себе баррикада предместья Сен-Антуан, и на ней я увидел павшего архиепископа Дени-Огюста Аффра, которого я немного знал при жизни. Его померкшие глаза смотрели вверх, не видя неба, откуда смотрел на него я, в его руке все еще было зеленое знамя. Итак, предо мною опять были революционные дни 48 года, и именно 25 июня. Несколько мгновений — может быть, несколько часов прошли незаметно, пока я искал объяснения странному явлению, что я видел 1848 год после 1854 года; в это самое время я увидел, что в Лионе, на одной из больших площадей, раздавали трехцветные знамена. Стараясь разглядеть официальное лицо, которое

производило распределение, я вспомнил, что по вступлении на престол Луи Филиппа, молодой герцог Орлеанский был послан в столицу французской промышленности, чтобы успокоить возбужденные умы. Из этого видно, что после 1854 и 1848 гг. я увидел события 1831 г. Немного позже мой взор наблюдал в Париже день публичного празднества. Толстый король с круглым брюшком и цветущим лицом в роскошной коляске пересекал в эту минуту новый мост. Погода стояла прекрасная. Мост был сплошь усеян толпой девушек в светлых платьях, казавшихся сверху корзиной белой сирени. Какие-то странные животные, окрашенные в яркие цвета, двигались над Парижем. Очевидно, это было возвращение Бурбонов во Францию. Меня навели на эту мысль именно разноцветные животные, так как я вспомнил, что в день этого события было выпущено большое количество цветных шаров в форме животных. С высоты неба казалось, что они неловко бегали по крышам домов. Что я мог увидеть минувшие события — в этом еще не было ничего сверхъестественного. Но видеть события в обратном порядке — это уже было что-то фантастическое и приводило меня в полное недоумение.

Затем я задал себе вопрос: мог ли бы такой мир, совершенно похожий на землю, был вполне *симметричным* с ней? Опираясь на данные геометрии и философской теории очертаний, я пришел к заключению, что такой мир возможен и что он может в точности походить на землю, с той только разницей, что он был бы, так сказать, обратным изображением земли. Видя себя в зеркале, вы замечаете, что кольцо, надетое на одном из пальцев правой руки, в зеркале очутилось слева, что если вы закроете правый глаз, ваш двойник в зеркале закрывает левый, если вы протягиваете правую руку, ваш двойник делает то же движение левой. Разве не возможно, что в *бесконечном количестве* небесных тел найдется одно, которое вполне походило бы на обратное изображение земли? Наоборот, можно с уверенностью сказать, что невозможным было бы, чтобы такой планеты не было. Скорее следует предположить, что их не одна, а тысячи. Природа должна была не только повториться, но и проявить себя во всех созданных ею формах. Поэтому я заключил, что мир, который видел я, не был землей, а представлял подобную земле планету с обратным течением истории.

Quaerens. — У меня в голове уже мелькала идея, что это могло бы быть именно так. Но тебе было легко убедиться в том, земля ли это или другая планета: для этого стоило только исследовать ее астрономическое положение.

Lumen. — Я так именно и сделал, и такое исследование подтвердило мою догадку. Планета, на которой я увидел четыре события, аналогичных земным, но в обратном порядке, по-видимому, изменила свое первоначальное положение. Маленького созвездия Жертвенника не было, и на той стороне неба, с которой увидел я в первый раз землю, виднелся неправильный многоугольник, составленный из неизвестных звезд. Таким образом, я убедился, что перед моими глазами была не наша земля; сомнение мне не казалось уже возможным, и я был убежден, что предо мной открывался новый мир, тем более любопытный, что он не был землей и, казалось, воспроизводил в обратном порядке историю земли.

Правда, некоторые события, по-видимому, не имели аналогичных себе на земле, но в общем совпадение было замечательное, тем более, что отвращение, которое я чувствую к войне, меня побуждало думать, что на других планетах этого нелепого и странного заблуждения не существует, тогда как большинство открывавшихся предо мною явлений были именно войны или подготовка к ним.

С невыразимым интересом я следил таким образом за событиями, о которых я знал до тех пор лишь по обманчивым рассказам историков, и присматривался к странам, давно уже изменившим свой вид. Я видел пожар Рима, и хотя я не мог различить на террасе Нерона, я был убежден, что предо мною именно пожар 64 года и начало гонений на христиан. Несколько часов спустя, в тот момент, когда я был погружен в созерцание огромных садов Тиберия, где я увидел и самого императора около розовой клумбы, вследствие вращения земли вокруг оси, предо мной очутилась неожиданно Галилея, и я сейчас же узнал Иерусалим и Голгофу...

Когда передо мною снова показался Рим, я увидел Юлиа Цезаря. Тело его лежало уже на погребальном костре, и в головах у него стоял Антоний, в левой руке которого, как мне казалось, был свиток папируса.

Как бы то ни было, за Юлием Цезарем я увидел консулов и первых царей Лациума. Я был рад, что мне удалось стать очевидцем похищения сабинянок, так это событие характеризует античные нравы. Историки вообще сильно приукрасили истину, и я убедился, что большинство исторических событий, воспроизведенных нашими художниками, в действительности совершалось совершенно иначе, чем можно думать по картинам. В тот же момент я увидел царя Кандавла Лидийского, во время известной тебе сцены в бане, затем — завоевание Египта эфиопами, олигархическую республику Коринфа, восьмую олимпиаду в Греции и Исайю, пророчествующего в Иудее. Я видел, как армии рабов, среди которых разъезжали на дромадерах надсмотрщики, строили египетские пирамиды. Передо мною прошли друг за другом великие династии Бактрианы и Индий, и я мог удостовериться в том, что Китай обладал высокой степенью культуры задолго до начала истории Запада. Я отыскал даже платоновскую Атлантиду и убедился, что предположения Байли относительно этого исчезнувшего континента не лишены основания. В Галлии в это время я видел только леса и болота; даже друидов не было видно, и обитатели весьма походили на современных туземцев Океании. Предо мной был каменный век, открытый новейшими археологами. Я заметил, что количество людей все более и более уменьшалось и что господами земли сделались крупные породы обезьян, пещерный медведь, лев, гиена, носорог. Наконец, наступил момент, когда не только люди, но и всякие следы человеческого существования совершенно исчезли. Землетрясения, извержения вулканов, потопа уничтожали всякую возможность присутствия человека... Мне пришлось в заключение моего осмотра натолкнуться на чудовищных животных, оспаривавших друг у друга морской берег. Тут были гигантские змеи, вооруженные грозными лапами, крокодилы, летавшие по воздуху на огромных крыльях, которые превышали длину их тела, безобразных рыб, которым не составляло бы труда проглотить целиком быка, хищных птиц, вступавших в ожесточенные битвы на пустынных островах. Я видел целые материки, покрытые дремучими лесами, деревья с огромными листьями, растущими один на другом; это были мрачные и суровые растения, ибо растительное царство не имело еще тогда ни цветов, ни плодов. Горы изрыгали огненные потоки, течение рек преграждалось водопадами, почва равнин раскрывалась подобно гигантской пасти, в которой исчезали бесследно холмы, леса, реки, деревья, животные. Но скоро очертания суши стали сливаться. Безбрежное море затопило ее, растительный и животный мир мало-помалу исчез. Перед моими глазами была однообразная зеленоватая поверхность, которую там и сям прорезывали молнии и белые дымки. Мир умирал. Я присутствовал при последних трепетаниях его сердца. От времени до времени показывались прерывистые желтоватые вспышки. Потом мне показалось, будто на всей поверхности полил дождь, ибо лучи солнца освещали лишь серые тучи и полосы дождя. Полушарие, не освещаемое солнцем, мне казалось не столь мрачным, как прежде. Сквозь тучи стали показываться светлые пятна. Увеличиваясь и показываясь все чаще и чаще, эти светлые пятна захватили, наконец, всю поверхность планеты. Огромные ноля сделались красными, как раскаленное железо. И подобно тому, как железо, если положить его в раскаленную печь, становится светло-красным, потом оранжевым, потом желтым и, наконец, ослепительно белым, точно также и планета прошла через все эти степени накаливания. Ее объем увеличился, вращение вокруг оси участилось. Таинственная планета стала походить на огромный шар из расплавленного металла, окутанный металлическими испарениями. Под непрерывным действием своей внутренней печи и элементарных столкновений она приобрела огромные размеры и из огненного шара превратилась в дымный. С этой минуты она стала все более расширяться и терять свои очертания. Солнце, освещавшее эту планету вначале, теперь не превосходило ее своей яркостью. Вместе с тем оно стало увеличиваться в объеме, так что для меня стало очевидно, что шарообразная планета утрачивала свое существование и терялась в нарастающей атмосфере солнца.

Присутствовать при конце целого мира — зрелище не частое. В моем энтузиазме я не мог удержаться,

чтобы не вскричать в порыве суетного чувства: «И это конец?! Такова участь всех миров!»

«Это не конец, — слышался какой-то голос в глубине моей души. — *Это только начало*»,

«Начало, это — начало?» — подумал я.

«Начало самой земли, — отвечал тот же голос. — Ты видел всю историю земли, удаляясь от нее с *большой скоростью, чем распространяется свет*».

Это объяснение не поразило меня в такой степени, как первые события моей неземной жизни. Ибо я уже ознакомился с законами света и был подготовлен к удивительным эффектам, создаваемым ими. К тому же некоторые подробности уже ранее заставили меня предположить это, я их опустил, чтобы не нарушать единства рассказа, но они еще более поразительны, чем общая последовательность событий.

Quaerens. — Я не подумал об этом неизбежном изменении перспективы по ту сторону Капеллы. Таким образом, ты видел саму землю, и ее история развернулась перед тобою в обратном порядке событий. Ты видел события древней истории после новых. Каким же образом свет дал тебе возможность проследить до самого начала реку времени?

Этот новый эффект законов света я понимаю лишь наполовину, и я был бы благодарен тебе, если бы ты дал мне его объяснение.

II

Lumen. — Я уже дал его, сказав тебе, что я удалялся от земли с большей быстротой, чем распространяется свет.

Quaerens. — Но скажи мне, каким же образом, при таком удалении от земли можно видеть события в порядке, обратном действительному?

Lumen. — Объяснить это не трудно. Предположим, что ты удаляешься от земли со скоростью равной скорости света; в таком случае, земля сохранит для тебя во время твоего движения тот же вид, какой она имела в момент отправления, так как ты двигаешься с той же скоростью, с какой распространяется в пространстве световое изображение. Даже если бы ты двигался таким образом тысячу или хотя бы сто тысяч лет, это изображение будет передвигаться вместе с тобой, сопровождая тебя на всем пути подобно фотографии, которая сохраняет одно и то же изображение.

Quaerens. — Это явление мне знакомо уже по нашему первому разговору.

Lumen. — Хорошо. Предположи же теперь, что ты удаляешься от земли с быстротой, превышающей скорость распространения света. Что в таком случае произойдет? По мере твоего движения в пространстве, ты будешь настигать лучи, вышедшие еще до твоего отбытия, т. е. последовательные фотографии, ежесекундно уносящиеся в пространство. Если, например, ты отправился с земли в 1867 г. и движешься столь же быстро, как и свет, то события 1867 г. будут вечно сопровождать тебя. Если же ты будешь двигаться быстрее, то ты найдешь в пространстве лучи, вышедшие с земли в предшествующие годы и несущие с собою фотографию событий того времени.

Таким образом получается целый ряд фотографий земли, расположенных на одной и той же линии, но отделенных друг от друга известными расстояниями. Поэтому, проходя последовательно через точки А, В, С, D, E, F, можно наблюдать из века в век историю земли.

Quaerens. — На каком же расстоянии находятся друг от друга эти фотографии?

Lumen. — Расчет сделать нетрудно: расстояние, отделяющее их, равняется тому пространству, которое пробегает луч в столетие. Принимая 15.000 лье в секунду, легко вывести, что в минуту свет пройдет расстояние в 4.500.000 лье, в час — 270.000.000 лье, в день — 6.480.800.000 лье, в год — 2.366.820.000.000. Принимая во внимание високосные годы, отсюда можно заключить, что в течение

столетия свет проходит расстояние приблизительно в 236 триллионов 682 миллиарда лье[4].

Так возникают земные фотографии, ряд которых расположен в пространстве на равных расстояниях друг от друга. Теперь предположим, что между вековыми фотографиями размещены другие, отделенные лишь годовым промежутком и находящиеся, поэтому, на таком расстоянии друг от друга, которое пробегает свет в течение одного года. Далее, между годичными фотографиями мы найдем и повседневные. Точно таким же образом в дневном промежутке можно найти ежечасные, ежеминутные и ежесекундные фотографии, отделенные соответствующими расстояниями. Так что луч света, или, вернее, сноп световых лучей, представляющий собою целый ряд последовательных изображений, даст движущуюся летопись истории земли.

Двигаясь со скоростью, превышающею скорость света, можно настичь эти, насыщенные световыми изображениями, лучи, и тогда они развертывают перед взорами наблюдателя целый ряд картин минувшего.

Quaerens. — Но разве духи могут одними своими силами переноситься через неизмеримые небесные пространства?

Lumen. — Их собственных сил еще недостаточно для этого. Но духи пользуются силами природы. Притяжение — одна из этих сил. Оно передается с несравненно большей скоростью, чем свет.

Без сомнения, человеческая душа, не будучи функцией мозга и существуя совершенно самостоятельно, пользуется относительной свободой; но эта свобода вполне сообразуется с ее способностями, с ее силой и с ее энергией; душа стремится к тому, на что направляют ее побудительные причины. В момент рождения всякого человека, если бы были известны свойства его души и обстоятельства его последующей жизни, можно бы было заранее предугадать его жизнь во всех ее подробностях.

Что же касается человеческого организма, то он представляет собою всецело продукт нашей планеты. Его тело, рост, вес, ум, вся его организация имеет своей причиной состояние той планеты, на которой он обитает, атмосферы, который он дышит, питания, поддерживающего его силы, притяжения на поверхности земли, твердости земных материалов и т. д.

Из этого факта следует то заключение, что на других планетах органическая жизнь отличается от земной и что обитатели их, являющиеся, как и здесь, результатом действующих на каждой планете сил, должны, безусловно, разниться по своим формам от земных обитателей. Например, на тех планетах, где обитатели не едят, не может быть ни пищеварительного аппарата, ни кишок. На планетах сильно наэлектризованных, обитатели одарены электрическим чувством. На других планетах зрение обитателей приспособлено к ультрафиолетовым лучам, и глаза их не имеют ничего общего с вашими, не видят того, что вы видите и, наоборот, видят то, чего не видите вы. Органы соответствуют функциям.

Quaerens. — Значит, мы не представляем типа вселенной? И вся вселенная является лишь вечно преобразующимся проявлением действующих сил?

Lumen. — Взгляни, мой друг, заря опять призывает меня к возвращению в лоно пространства, заполненного неизвестными на земле явлениями, в богатый рудник, в котором духовные существа находят образы минувшего, разгадку многочисленных тайн, обломки разрушенных миров и зарождение миров будущих. Впрочем, было бы бесполезно уснащать рассказ бесполезными подробностями. Моей целью было показать тебе, что для того, чтобы увидеть миры и течение жизни совершенно противоположные вашему, достаточно удалиться от земли со скоростью, превышающею скорость света.

Душа, при движении к недостижимым горизонтам бесконечности, встречает лучи, отраженные как землей, так и другими планетами тысячи, десятки и сотни тысяч лет тому назад; *наблюдая планеты в*

таком отдалении, можно восстановить их минувшую историю. Таким образом возможно проследить реку времени вплоть до ее источника. Подобное явление должно озарить царство вечности в твоих глазах новым светом. Я обещаю выяснить тебе и философское значение его, если только ты поймешь, как я надеюсь на это, научное значение неземного знания.

Рассказ третий

Номо homunkulus [5]

I

Quaerens. — Я слушал тебя с величайшим интересом, не будучи однако совершенно убежден, признаюсь в этом, — что все виденное тобою было действительностью. Поистине, не легко поверить, что можно видеть столь непосредственно все явления. Если небо покрыто, например, облаками, то ведь невозможно видеть, что происходит на земле, то же самое следует сказать и о внутренности жилищ.

Lumen. — Ты ошибаешься, мой друг! Колебания эфира проходят даже через препятствия, которые тебе кажутся непроходимыми. Облака состоят из молекул, между которыми световой луч нередко проходит. В случае непроницаемости их, там и сям все же встречаются просветы, сквозь которые можно ясно различать, что происходит на земле. Редко случается, чтобы ничего нельзя было различить. И затем свет вовсе не то, чем он кажется: это колебательное движение эфира; видеть можно и без участия ретины и зрительного нерва. Колебания эфира доступны иным чувствам, чем ваши. Если это последнее возражение с твоей стороны, то оно далеко не достаточно для того, чтобы опровергнуть факт.

Quaerens. — У тебя есть особый способ устранять всевозможные затруднения. Может быть, он является исключительной особенностью бесплотных существ. Мне пришлось последовательно допустить, что ты перенесся на Капеллу со скоростью, превышающей скорость света; что ты, попав на другую планету, не воплотился там, что твоя душа остается свободной от всяких плотских покровов, что твое бесплотное восприятие достаточно сильно, чтобы различать с высоты, что происходит здесь, на земле; что ты можешь переноситься в пространстве в тот или другой пункт, смотря по твоему желанию, и, наконец, что даже облака не препятствуют различать поверхность земного шара. Нельзя не согласиться, что во всем этом кроется много серьезных затруднений.

Lumen. — Для того же, чтобы расширить область твоего понимания, я могу теперь же открыть тебе глаза на недостаточность твоих земных чувств и на роковую беспомощность самой точной науки, показав тебе, что причинами твоих ощущений являются исключительно различные виды движения, и что то, что называют наукой, лишь чувственное и притом весьма ограниченное восприятие. Свет, благодаря которому ваши глаза видят, звук, сообщающий ощущения вашим ушам, — суть различные роды движения, вызывающие у вас разнообразные ощущения; запахи и вкусы — точно такие же колебания, вызывающие ощущения в носу и на языке и передающиеся мозгу. При помощи ваших чувств вы можете различать лишь некоторые из этих колебаний, преимущественно звуковые и световые. И вы в своей наивности думаете, что видите и слышите природу. Но это неправда: вы замечаете лишь некоторые движения, существующие на вашей подлунной планете. Вот и все! Помимо тех впечатлений, которые доступны для вас, существует бесконечное число других, которых вы не замечаете.

Quaerens. — Прости мне, учитель! Но эта сторона явлений мне кажется не вполне ясной, и я ее не вполне понимаю. Может быть...

Lumen. — Эта сторона является для тебя совершенно новой, но внимательное размышление сделает ее доступной тебе. Звук создается колебаниями воздуха, которые колеблют вашу барабанную перепонку, вызывая впечатление звука. Человек различает не все звуки. Если колебания слишком медленны (менее 40 в секунду), звук слишком низок, и ваше ухо не слышит его. Когда же колебания происходят слишком часто (свыше 36,000 в секунду), звук слишком высок и опять-таки недоступен для вашего уха. Звуки, недоступные человеку, доступны другим существам, например, некоторым насекомым. Те же самые соображения

применимы и к свету. Различные формы света, оттенки и цвета видимых предметов обуславливается тоже колебаниями, действующими на зрительный нерв и вызывающими зрительные ощущения. Человек видит не все, что можно видеть. Когда колебания слишком редки (менее 428 триллионов в секунду), свет слишком слаб и недоступен для глаза. При слишком частых колебаниях (свыше 727 триллионов в секунду) свет тоже выходит за пределы вашей способности к восприятию и становится невидимым. Недоступные для вас эфирные колебания видимы для других существ. Человек же знает и может знать лишь те впечатления, которые затрагивают одну из двух струн его органической лиры, а именно его зрительный или слуховой нерв.

Подумай же, как много в мире явлений, недоступных вашему восприятию. Все волнообразные движения, не превышающие 36.000 колебаний в секунду и дающие свыше 458.000.000.000.000 в ту же единицу времени не могут быть ни услышаны, ни увидены вами и неизбежно остаются неизвестными вам. Современная наука мало-помалу начинает проникать в этот невидимый мир; ты знаешь, что ей удалось произвести наблюдения над лучами, дающими менее 458 триллионов колебаний в секунду (это невидимые теплотворные лучи) и свыше 727 миллионов (это химические, опять-таки невидимые для человека, лучи). Но научные исследования могут лишь в очень незначительной мере раздвинуть пределы непосредственного восприятия. Человеку доступно лишь немного, он как бы обособлен от мира, но вокруг него — бесконечность.

И это еще не все. В природе существует целый ряд других колебаний, которые *не соответствуют* вашей организации и не могут быть восприняты вами, а потому должны остаться *навсегда совершенно неизвестными* вам. Если бы лира ваших ощущений имела другие струны, десять, сто, тысячу... гармония природы отражалась бы полнее в их колебаниях: вы могли бы заметить множество явлений, которые проходят теперь совершенно незамеченными перед вами. И вместо двух нот, вы могли бы уловить всю гармонию природы. Вы не подозреваете даже, насколько вы бедны, потому что общая нищета не поражает взгляд, и потому что вы не можете сопоставить ее с богатством некоторых высших существ.

При всей ограниченности ваших чувств, их достаточно для того, чтобы вы могли себе составить представление о возможности других чувств, не только более могущественных, но и совершенно отличных от человеческих. Например, при помощи чувства осязания вы можете, правда, распознавать теплоту, но легко представить себе, что может существовать специальное чувство, аналогичное зрению, которое делало бы человека способным судить о форме, сущности, внутреннем строении и других качествах объекта, из которого исходят теплотворные волны. То же самое можно сказать и об электричестве. Вы можете точно так же представить себе существование особого чувства, которое было бы, например, для глаза тем же, чем является спектроскоп для телескопа и давало бы представление о химических элементах наблюдаемых тел. Таким образом, даже с научной точки зрения существуют достаточные данные для того, чтобы вообразить совершенно иные способы восприятия, чем те, которыми располагает земное человечество. Такие чувства существуют в иных сферах. Разнообразие способов, посредством которых воспринимается действие сил природы, бесконечно.

Ваши чувства не только не в состоянии уловить физических движений, вроде солнечного и земного электричества, токи которого сталкиваются в атмосфере минерального, растительного и животного магнетизма, сродства организмов и т. п., но им еще менее доступны явления мира нравственного, симпатии и антипатии, предчувствия, духовные влечения и т. д. Скажу прямо: все, что вы знаете и что вы можете знать через посредство ваших земных чувств, ничто по сравнению с тем, что есть. Это столь глубоко верно, что на земле могли бы жить существа с совершенно иной организацией, не обладающие ни глазами, ни ушами и ни одним из ваших чувств, но одаренные *другими* чувствами и способные понимать то, чего вы не понимаете; такие существа, обитая на одной планете с вами, знали бы то, чего вы не можете знать, и неизбежно должны бы были составить себе совершенно иное представление о природе, чем вы.

Quaerens. — Но это уже совершенно выходит за пределы моего понимания.

Lumen. — Я могу сказать даже больше, мой земной друг. Восприятия, которые вы получаете и которые образуют основу вашей науки, не суть восприятия *действительности*. Свет и тень, краски, облики, тоны, шумы, гармонии, различные звуки, запахи, ароматы, видимые свойства тел суть не что иное, как формы. Эти *формы* проникают в вашу мысль через врата глаз и ушей, органов обоняния и вкуса, и представляют лишь видимые формы, а не самую сущность вещей... *Истинная сущность совершенно ускользает от вашего понимания, и вы неспособны понять вселенную...*

Даже материя не есть то, за что вы ее считаете. В природе нет ничего *массивного*: ваше собственное тело, кусок железа не более плотны, чем воздух, которым вы дышите. Все это составлено из несоприкасающихся друг с другом и вечно движущихся атомов. Земля, атом вселенной, движется в пространстве с быстротою 643.000 лье в день. Но, сравнительно со своими размерами, каждый из атомов, входящих в состав вашего собственного тела и циркулирующих в вашей крови, движется с значительно большей скоростью. Если бы человеческий глаз мог лучше видеть этот камень, то он не увидел бы его совсем, так как камень сделался бы прозрачным...

Но, по внутреннему движению твоего мозга, охваченного частыми концентрическими колебаниями, и по волнообразному движению жидкостей в мозговых полушариях, я замечаю, ты совершенно не понимаешь моих слов. Поэтому я не стану более говорить об этом предмете, которого я лишь слегка коснулся, с целью показать, насколько ошибочно было бы приписывать решающее значение вашим чувственным представлениям, и дать тебе почувствовать, что ни ты, ни какой-либо другой человек на земле не может себе составить даже приблизительного представления о вселенной. Земной человек — не более как жалкий человек.

Если бы ты знал организмы, которые существуют на Марсе или на Уране, если бы ты мог наблюдать совершенство органов чувств у обитателей Венеры или кольца Сатурна, если бы несколько веков небесных странствований ознакомили тебя с движениями жизни в системах двойных звезд, с световыми эффектами цветных солнц, с неизвестным на земле электрическим чувством, существующим в системах с несколькими солнцами; если бы, одним словом, сравнить явления земной жизни с тем, что происходит на других небесных телах, то ты понял бы, что живые существа могут видеть, слышать, чувствовать, или точнее — познавать природу, не имея ни глаз, ни ушей, ни обоняния; ты убедился бы, что в природе существует бесконечное множество других чувств, совершенно отличных от человеческих, и что бесконечный ряд явлений природы совершенно недоступен человеческому наблюдению. При таком всестороннем созерцании вселенной легко заметить тесную связь, существующую между физическим и духовным миром; легко понять и ту внутреннюю силу, которая возносит некоторые, ознакомившиеся с грубостью материи, но очищенные самопожертвованием души в царство духовного света; легко представить себе, наконец, сколь неизмеримо счастье тех существ, которым уже на земле удалось мало-помалу освободиться от плотских страстей.

Quaerens. — Но возвратимся к распространению света в пространстве. Скажи, разве он не исчезает напоследок? Разве облик земли остается вечно видимым и не ослабевает пропорционально квадрату расстояния, и не исчезает на известном расстоянии?

Lumen. — Твое выражение «напоследок» не имеет в данном случае применения, так как пространство бесконечно. Свет ослабевает в пространстве, это правда, по ничто не теряется вполне. Какое бы число мы, например, ни взяли, и сколько бы раз мы ни делили бы его пополам, оно не превратится в нуль. На известном расстоянии земля перестает быть видимой для всякого глаза, но облик ее существует даже и тогда, когда он невидим, и духовное зрение может его различить. Даже более, облик звезды иногда проникает на крыльях света в темные глубины пустого пространства.

В пространстве есть обширные области, лишённые звезд. Небесные тела исчезли отсюда под влиянием притяжения извне. И вот, прорезая эти темные сферы, светлый облик находится в таких же условиях, как изображение какого-либо лица или предмета в камер-обскуре. Возможно, что эти облики встречаются в этих пространствах темные небесные тела (небесная механика констатировала существование нескольких таких тел), похожие на них, поверхность которых (может быть, состоящая из йода, если можно верить спектральному анализу) обладает светочувствительностью и может фиксировать облик отдаленного мира. Таким образом на темном шаре могли бы запечатлеться, например, земные явления. И если этот шар вращается, подобно другим небесным телам, то на нем воспроизведутся последовательно явления земной жизни, как на фотографии. Сверх того, восходя или нисходя в направлении, перпендикулярном экватору, та линия, где получились бы фотографические снимки, описывала бы не круг, а спираль, и новые изображения с каждым оборотом шара ложились бы не друг на друга, а рядом. Мысленно легко себе представить, что такое небесное тело, воспринимающее фотографические изображения, может быть не шарообразным, а цилиндрическим. Таким образом, в пространстве могла бы существовать неизгладимая летопись, в которую сами собой заносились бы великие события земной истории. Я сам не видал еще подобных явлений. Я так недавно оставил землю, что лишь успел увидеть то, что представляется само собою духовному взору. Но, в скором времени, я попытаюсь удостовериться, не существует ли в небесном пространстве подобной летописи.

Quaerens. — Если луч, выходя с земли, никогда *не исчезает*, то значит и наши поступки вечны?

Lumen. — Я уже сказал тебе это. Сделанный поступок не может быть уничтожен, и никакая сила не в состоянии изгладить его. Предположим, что в глубине пустыни совершено преступление. Преступник удаляется, остается неузнанным и предполагает, что поступок, совершенный им, принадлежит невозвратному прошлому и навсегда *сокрыт*. Но в действительности ничто не сокрыто. В момент совершения преступления свет подхватил его и унес в небесное пространство. Оно воплотилось в луче света и вечно будет нестись в пространстве...

А вот благородный поступок, сделанный но влечению сердца. Благодетель скрылся, но свет подхватил его поступок, и поступок этот умчится в бесконечность.

Наполеон причинил добровольно, для удовлетворения своего личного самолюбия, смерть пяти миллионам человек в возрасте около 30 лет, которым, следовательно, оставалось прожить еще около 37 лет, как учит теория вероятностей в применении к человеческой жизни. Таким образом, он загубил сто восемьдесят пять миллионов лет жизни. Его наказание и возмездие за его преступления состоит в том, что он должен нестись в пространстве, вместе с лучом света, вышедшим 18-го июня 1815 г. с ватерлооской равнины, и быть постоянным свидетелем того критического момента, когда его могущество было навсегда сокрушено, и непрерывно ощущать горечь отчаяния, в течение целых ста восьмидесяти пяти миллионов лет, которые лежат на его совести. Своими деяниями он остановил почти на двести миллионов лет свое духовное совершенствование.

Если бы ты мог увидеть явления нравственной жизни столь же ясно, как ты видишь физические явления, то ты заметил бы колебания и волны, отмечающие не только поступки, но и затаеннейшие мысли.

Quaerens. — Твои откровения наполняют меня ужасом. Таким образом наша неизменная участь находится в тесном соотношении с устройством вселенной. Я иногда думал о возможности установления каких-либо сношений при помощи света. Некоторые физики предполагали, что, может быть, окажется возможным установить сообщение между землей и луною и даже, может быть, с планетами, при помощи световых сигналов. Но если бы и было возможно подавать с земли знаки звезде, свет которой доходит до нас, скажем, через сто лет, то и знаки, делаемые с земли, достигли бы звезды только через такое же время, а ответ мог бы придти лишь через двести лет. Земной наблюдатель за этот промежуток времени успел бы умереть задолго до того времени, когда его послание достигло бы по назначению, и то же самое случилось

бы с обитателем другой планеты, пока его ответ дошел бы до земли...

Lumen. — Это, действительно, была бы беседа между живыми и мертвыми.

Quaerens. — Но извини меня, учитель! — Мне хочется сделать тебе еще один, несколько нескромный вопрос... один только вопрос, так как я вижу, что Венера бледнеет, и знаю, что твой голос скоро умолкнет.

Если в эфирном пространстве видимы все поступки, то мы можем видеть не только события нашей собственной жизни, но точно так же и поступки других, если нас это интересует.

Например, пара влюбленных и навсегда соединившихся между собою душ может в течение целой тысячи лет предаваться созерцанию сладких часов, проведенных на земле; для этого им пришлось бы лишь двигаться в пространстве со скоростью, равную скорости света, и перед их глазами были бы все те же минуты счастья. С другой стороны, супруг мог бы интересоваться жизнью своей подруги и, если бы представилась какая-либо неожиданная подробность, по желанию остановиться на ней... Он мог бы даже, наверное, если бы его подруга обитала в тех же сферах, соединиться с ней в наблюдении этих минувших событий. Никакое отрицание не было бы возможно в виду таких очевидных свидетельств... Может быть, души интересуются созерцанием интимных сторон жизни?..

Lumen. — В небе, о, мой друг, воспоминания о материальной жизни имеют мало значения, и я удивляюсь, что ты так интересуешься подобными вещами. Главнейшее, что я хотел сказать тебе в течение двух наших разговоров, заключается в том, что в силу законов света мы можем видеть события после того, как они совершились в действительности.

С точки зрения целого, настоящее мира не есть мимолетное мгновение, исчезающее немедленно вслед за своим появлением, это не непрестанно сменяющийся облик, дверь, через которую прошедшее устремляется в будущее, не математическое очертание в пространстве. Наоборот, оно представляется истинною действительностью, которая удаляется от своего исходного пункта с быстротою света и, вечно несясь в бесконечность, остается *вечно настоящим*.

Эти данные дают возможность понять вездесущее мира во всей его необъятности. События исчезают для места, где они зародились, но они остаются в пространстве. Это последовательное и бесконечное распространение всех явлений, совершающихся в каждом из миров, совершается в лоне *бесконечного Существа*, вездесущее которого имеет своим последствием вечное существование каждого явления.

События, совершающиеся на земле со дня ее возникновения, видимы в пространстве на тем более значительном расстоянии, чем более отдаленному времени они принадлежат. Вся история земного шара и жизнь каждого из его обитателей могли бы быть видимы зараз для взора, обнимающего все это пространство. Таким образом, мы оптически можем понять, что вездесущий вечный Дух видит в один и тот же момент все прошлое.

То, что истинно о нашей земле, истинно также и о всех мирах, существующих в пространстве. Таким образом, история всех миров может быть представлена сразу в вездесущии Творца. Я могу прибавить, что Бог знает все прошедшее не только благодаря этому непосредственному созерцанию, но точно так же вследствие знания всякой существующей вещи. Если натуралист, подобный Кювье, мог восстановить при помощи осколка кости исчезнувшие виды животных, Творец природы узнает в теперешней земле землю минувшего, планетную систему и солнце, каким оно было в минувшие времена, и все условия температуры, группировки и колебаний, благодаря которым элементы образовали существующие в настоящее время тела.

С другой стороны, будущее в его зародышах должно быть столь же ясно Богу, как прошедшее в своих результатах. Каждое событие неразрывно связано с прошедшим и будущим. Будущее столь же неизбежно вытекает из настоящего, точно так же может быть логически выведено из него и точно так же содержится в

нем, как и прошедшее для того, кто может его распознать.

Но наиболее существенная цель моего рассказа состоит, повторяю, в том, чтобы сообщить тебе и убедить тебя, что минувшая жизнь миров и организмов вечно остается видимой в пространстве благодаря последовательному прохождению света через необъятные сферы бесконечности.

Рассказ четвертый

Anteriores vitae[6]

I

Quaerens. — Со дня нашей последней мистической беседы прошло два года. Если ты считаешь меня достойным твоих сообщений и если я в состоянии их понять, Расскажи мне, учитель, о небесных странствованиях, которые привели твой дух в высшие сферы; сообщи мне неведомые истины, которые они открыли пред тобою, ознакомь меня с величественными явлениями природы, которые ты мог при этом наблюдать, и о таинственном предназначении человека и других существ все то, что открылось перед тобою.

Lumen. — Я подготовил твою душу, мой дорогой старый друг, к восприятию тех странных впечатлений, которых не даст и не может дать никакое земное наблюдение. Тем не менее, ты должен очистить свой ум от всяких земных предрассудков. Явления, о которых я намерен говорить, совершаются не только на земле и соседних звездах, по обнимают всю необозримую сферу звездной астрономии с ее неизведанными чудесами. Их объяснение, как и объяснение явлений, о которых я говорил раньше, следует искать в законах света, этого волшебного мост, перебрасывающегося с одной звезды на другую, с земли к солнцу и звездам, всеобщего движения, наполняющего пространство, поддерживающего небесные тела в их орбитах и составляющего вечное жизненное начало природы. Обрати же внимание на основу всех этих явлений, *последовательное движение света в пространстве.*

Луч, вышедший с Капеллы, достигает земли через 72 года.

Quaerens. — Эти оптические принципы для меня совершенно ясны. На другой день после твоей смерти, когда, как ты рассказал мне, ты быстро перенесся на Капеллу, ты был изумлен, что философствующие наблюдатели следили за событиями 1793 г. и были свидетелями одного из самых смелых деяний французской революции.

Lumen. — То, что я хочу рассказать тебе, еще более поразительно. Однако, чтобы понять это, необходимо помнить предыдущее. Приближаясь с Капеллы к земле, я увидел непосредственно все 72 года моего земного существования, всю мою жизнь так, как она действительно совершалась. Ибо я пересекал при этом последовательные наложения земных обликов, уносивших в пространство видимую историю нашей планеты, с включением истории Парижа и моей собственной личности. Пройдя в обратном направлении в течение одного дня путь, который свет пересекает в 72 года, я увидел за этот день всю мою жизнь и попал на землю к моему погребению.

Quaerens. — Это все равно, как если бы ты нашел, возвращаясь с Капеллы на землю, на твоём пути 72 фотографии, снятые год за годом. Наиболее отдаленная от земли и вышедшая всего раньше, достигшая в это время уже Капеллы, относилась бы к 1793 г.; следующая, отправившаяся годом позже и не дошедшая еще до Капеллы, относилась бы к 1794 г., десятая — к 1803 г.; тридцать шестая, находившаяся на половине пути, — к 1829, пятидесятая — к 1843, семьдесят первая — к 1864.

Lumen. — Ты прекрасно усвоил это явление, кажущееся на первый взгляд таинственным и непонятным. Теперь я расскажу тебе, что произошло со мной на Капелле, после того, как я увидел свою земную жизнь.

II

В то время, когда среди меланхолического пейзажа Капеллы, при наступлении прозрачной ночи я был

еще сравнительно немного времени (но я уже не умею выразить этого времени в земных измерениях) занять созерцанием звездного неба и в этом небе звездой, составляющей ваше земное солнце, а не соседству с ней маленькой лазурной планетой, составляющей вашу землю; в то время, как я видел перед собою одну из сцен из времен моего детства: мою молодую мать в саду, с ребенком нескольких месяцев на руках (моим братом) и с маленькой девочкой, которой было еще только два года (моей сестрой), по одну сторону, и мальчиком на два года старше ее но другую (мною самим); в то время, как я видел себя в том возрасте, когда человек еще не сознает своего духовного существования и, тем не менее, носит в мозгу зародыш всей своей жизни, в то время, как я думал об этой странной действительности, показывавшей мне меня самого при вступлении моем на мое земное поприще, — я почувствовал, как какая-то высшая сила отвратила мое внимание от вашей планеты и направила мои взоры на другую точку неба, которая, в этот самый момент, казалась мне связанной с землей и с моим земным поприщем какими-то сокровенными узами. Я не мог оторвать своего взгляда от этой новой небесной точки, к которой, его притягивала какая-то волшебная сила. Много раз старался я оторвать и возвратить взоры свои к земле, которую я продолжаю любить, но они упорно обращались к незнакомой звезде. Эта звезда, на которой глаза мои инстинктивно старались что-то угадать, составляет часть созвездия Девы, созвездия, форма которого изменяется, если смотреть на него с Капеллы. Это двойная звезда, т. е. соединение двух солнц — одного серебристо-белого, другого яркого, золотисто-желтого, — которые обращаются одно вокруг другого в течение ста семидесяти пяти лет. Эту звезду можно видеть с земли простым глазом, и она обозначается буквой γ (гамма) в созвездии Девы. Вокруг каждого из составляющих его солнц есть планетная система. Взор мой приковался к одной из планет золотого солнца.

На этой планете есть растения и животные, как и на земле; формы их близко подходят к земным формам, хотя, в сущности, организмы их устроены совершенно иначе. Подобно тому, как и у вас, — там есть животное царство, рыбы в тех морях и четвероногие в той атмосфере, в которой люди могут также и летать, но без крыльев, благодаря большей ее плотности. Люди на этой планете приближаются по виду к земным людям. И хотя на черепе у них нет волос, на руках вместо пяти пальцев по три противопологающихся больших пальца, широких и худых, и по три больших пальца на ногах вместо ступней, хотя оконечности рук и ног у них гибки, как каучук, но у них по два глаза, по одному носу и по рту, что делает их лица похожими на земные лица. У них не по два уха с каждой стороны головы, но по одному, сидящему в виде конического хряща на верхушке головы, наподобие маленькой шляпы. Они живут обществами и ходят не голыми. Как видишь, в общем, они мало отличаются по внешности от обитателей земли.

Quaerens. — Значит на других мирах есть существа, еще более от нас отличающиеся, если, эти, несмотря на такие отличия, достойны сравнения с нами?

Lumen. — Глубокое, непостижимое для нас различие разделяет вообще формы живых существ на различных шарах. *Формы эти суть результаты специальных элементов на каждом шаре и сил ими управляющих*: материя, плотность, тяжесть, теплота, свет, электричество, атмосфера и т. д. непременно различны на разных мирах. Поэтому люди на Урании и на Меркурии ни в чем не походят на земных людей. Тот, кто в первый раз увидел бы их, пожалуй, не нашел бы у них ни головы, ни членов, ни органов чувств. Наоборот, люди планетной системы Девы, к которой взоры мои были обращены с пассивной настойчивостью, приближаются своим видом к земным людям. Равным образом, они приближаются к нам и своей умственной и духовной стороной. Будучи несколько ниже нас, они стоят на ступени лестницы душ, непосредственно предшествующей той ступени, к которой принадлежит земное человечество в своей совокупности.

Quaerens. — Земное человечество не однородно в степени своего умственного и духовного развития; оно кажется мне весьма разнообразным. Мы, европейцы, во многом отличаемся от абиссинских племен и

от дикарей Океанических островов. Какой народ берешь ты типичным представителем умственного развития на земле?

Lumen. — Кавказское племя. Оно способно производить Кеплеров, Ньютонов, Галилеев, Архимедов, Эвклидов, д'Аламберов; с другой стороны, своими корнями оно сплетается с первобытными ордами, прикованными к гранитному утесу. Но тут нет надобности выбирать какой-нибудь народ для типа. Предпочтительнее рассмотреть совокупность современной цивилизации. К тому же, между развитием негра и развитием мозга латинской расы совсем нет такого расстояния, как ты это, по-видимому, предполагаешь. Как бы там ни было, однако, но если тебе необходимо сравнение — я могу тебе сказать, что люди этой планеты Девы находятся приблизительно на степени умственного развития скандинавских народов.

Привлеченные к этой далекой планете, как я уже говорил тебе, взоры души моей внимательно рассматривали ее поверхность. В особенности и по неизвестной мне причине, они притягивались к белому городу, походившему издали на местность, покрытую снегом, хотя весьма возможно, что это не был снег, потому что невероятно, чтобы на этом шаре могла существовать вода в тех же химических и физических состояниях, как и на земле. На границе этого города аллея вела в соседний лес, состоявший из желтых деревьев. Скоро я заметил в этой аллее три лица, которые, казалось, медленно направлялись к лесу. Эта маленькая группа состояла из двух друзей, которые, по-видимому, интимно между собою разговаривали и из третьего существа, отличавшегося от них и своим красным костюмом, и своей ношей; должно быть это был их слуга, их раб или их домашнее животное.

В то время, как я с любопытством разглядывал две главные фигуры, человек, находившийся справа, поднял свое лицо к небу, как будто бы кто-нибудь окликнул его с воздушного шара, и обратил свои взоры к Капелле, к звезде, которую он, конечно, не видел, потому что вся эта сцена происходила для него днем. О! Мой старый друг, никогда не забуду я того внезапного впечатления, какое произвел на меня этот взгляд... Я еще не могу поверить самому себе, когда думаю об этом.

Это существо, смотревшее на меня с планеты Девы, не подозревая того, был... как бы сказать тебе без всяких околичностей?.. Это был *я сам*.

Quaerens. — Как, ты сам?

Lumen. — Я сам, лично. Я тотчас же узнал себя, и ты можешь судить, как я был поражен!

Quaerens. — Без сомнения! И даже в такой мере, что я тут ровно ничего не понимаю.

Lumen. — Факт тот, что это совсем новое положение, требующее объяснения. Это был я, действительно, и я тотчас же узнал не только свое лицо и свой прежний вид, но, кроме того, в особе ходившей рядом со мной, я узнал своего близкого друга, своего милого Кетлина, с которым мы вместе изучали эту планету. Я провожал нас взглядом и в золотой лес, и дальше, через восхитительные долины, осененные золотыми куполами деревьев, с широкими ветвями оранжевого оттенка, и грабинами с янтарными листьями! Журчащий ручеек струился по тонкому песку, и мы уселись на его берегу. Я вспоминаю часы, проведенные вместе, прекрасные годы, протекавшие на этой далекой земле, братские изливания, общие впечатления, переживавшиеся нами перед чудными лесными картинами, перед безмолвными равнинами, туманными холмами и маленькими озерами, улыбавшимся небу. Наши мечты стремились к вечной и святой природе, и мы обожали Бога в его творениях. С каким счастьем увидел я вновь эту фазу моего прежнего существования и связал опять золотую цепь, порванную землю!.. Действительно, мой дорогой Кверенс, это я жил тогда на этой планете созвездия Девы. Я действительно видел себя и мог продолжать наблюдать серию своих поступков и видеть именно лучшие моменты этого уже отдаленного существования. К тому же, если бы я усомнился в своей тождественности, неуверенность пропала бы во время самого моего наблюдения, потому что в то время, как я рассматривал себя, я увидел, как из лесу

вышел, подошел к нам и вмешался в наш разговор на берегу журчащего ручья мой брат того существования — Бертор.

Quaerens. — Учитель, я все-таки не понимаю, каким образом мог ты видеть себя так реально на этой планете Девы. Разве у тебя был дар вездесущности? Разве ты мог быть, подобно Франциску Ассизскому или Аполлонию Тианскому, в двух местах зараз?

Lumen. — Никоим образом. Рассматривая астрономические координаты солнца Гаммы Девы, зная его параллакс относительно Капеллы, я пришел к заключению, что свет этого солнца не мог употребить менее 172 лет на прохождение расстояния, отделяющего его от Капеллы. Таким образом, в данное время я получал луч света, вышедший за 172 года до этого времени из этого мира. И оказывается, что в то время я именно жил на этой планете, и мне шел уже двадцатый год.

Проверяя годы и сравнивая указатели времени различных планет, я, действительно, признал, что родился на этой планете Девы в 45.904 году (соответствующем 1677 году земной христианской эры) и внезапно умер в 45.913 году, соответствующем 1767 году. Каждый год на этой планете равняется нашим десяти. В момент, когда я себя увидел, как я уже тебе говорил, мне казалось на вид лет двадцать, говоря по-земному. Но по календарю этой планеты мне было только 2 года: здесь часто доживают до пятнадцати лет, считающихся предельным возрастом жизни на этом шаре и соответствующих 150 нашим годам.

Лучу света или, скажем для большей точности, облику, фотографии этого мира Девы нужно было 172 земных года, чтобы пролететь необъятное пространство, отделяющее его от Капеллы, вследствие чего я, находясь на последней, только теперь получил изображение, отделившееся 172 года тому назад от созвездия Девы. И, хотя вещи с тех пор очень изменились, много поколений уже сменилось, сам я умер и имел, кроме того, возможность за это время родиться вторично и прожить 72 года на земле — луч света употребил все это время на то, чтобы совершить полет от Девы до Капеллы и принести мне совершенно свежие впечатления исчезнувших событий.

Quaerens. — Продолжительность прохождения света доказана, и я ничего не могу против этого возразить. Тем не менее, не могу не сказать, что эта особенность превосходит все, чего я мог ожидать от творческой способности воображения!

Lumen. — Тут нет воображения, мой старый друг. Есть только вечная и священная действительность, имеющая свое почетное место в плане мирового творения. Свет всякой звезды, прямой или отраженный, или, иначе говоря, облик каждого солнца и каждой планеты распространяется в пространстве с известной тебе скоростью, и светящийся луч содержит все видимое в самом себе. Так как ничто не теряется, то история каждого из миров, содержащихся в свете, который из них непрерывно и последовательно истекает, вечно движется по бесконечному пространству, без возможности быть когда-либо уничтоженной. Земной шар не может читать ее. Но есть глаза выше земных глаз. И если в этом рассказе я употребляю слово *видеть* и слово *свет*, то это только для того, чтобы быть понятным; но, как мы уже заметили в предшествующем рассказе, света, собственно говоря, нет, а есть колебания эфира; зрения тоже нет — а есть восприятия мысли. Кроме того, даже и на земле, когда вы рассматриваете в телескоп или, еще лучше, в спектроскоп какую-нибудь звезду, вы отлично знаете, что у вас перед глазами не теперешнее ее состояние, а прошлое, передающееся вам лучом света, вышедшим из нее, может быть, десять тысяч лет тому назад... Вы знаете также, что известное число звезд, физические и числовые элементы которых вы, земные астрономы, стараетесь в настоящее время определить, и которые ярко блещут у вас над головами, могут не существовать уже с начала существования земного мира.

Quaerens. — Мы это знаем. Таким образом, ты увидел перед глазами свое собственное существование за 172 года назад.

Lumen. — Или, вернее, фазу этого существования. Но я бы, очевидно, мог увидеть и увижу его

целиком, приближаясь к этой планете, как я уже это сделал для своего земного существования.

Quaerens. — Таким образом, значит ты увидел в свете два своих последних существования?

Lumen. — Именно, и более того: я видел их и еще вижу их вместе, *одновременно*, и до известной степени одно возле другого.

Quaerens. — Ты видишь их *в одно и то же время*.

Lumen. — Явление это легко понять. Свет земли через 72 года достигает Капеллы. Свет планеты Девы, почти в полтора раза более удаленный от Капеллы, доходит до нее через 172 года. Так как я жил 72 года тому назад на земле и за сто лет до этого на другой планете, то обе эти эпохи доходят одновременно до Капеллы. Таким образом, смотря просто на эти два мира, предо мною проходят два моих последних существования так, как будто меня здесь, как зрителя, вовсе и не существует, и так, что я ничего не могу изменить в совершаемых мною поступках на той и на другой планете, потому что поступки эти, хотя и кажутся совершающимися в данное время и имеющими совершиться в будущем, но, в действительности, они уже совершились.

Quaerens. — Странно! Действительно, очень странно!

Lumen. — Но что меня больше всего поразило при неожиданном наблюдении двух моих последних существований, развернувшихся передо мной одновременно на двух различных мирах, и что сильнее всего привлекло мое внимание, так это то, что оба эти существования походили друг на друга самым удивительным образом. Я вижу, что у меня были приблизительно одни и те же вкусы на том и на другом, те же страсти, те же заблуждения. Не преступник я и не святой на том и на другом. Более того (странное совпадение!), я видел на первом пейзажи, сходные с теми, которые я видел на земле. Таким образом, у меня есть объяснение прирожденных склонностей, с которыми я пришел в земной мир, любви к северной поэзии, к рассказам Оссиана, к мечтательным пейзажам Ирландии, к горам и северным зорям. Меня привлекали Шотландия, Скандинавия, Швеция, Норвегия с ее фиордами, Шпицберген с его безмолвием. Старые разрушенные башни, утесы и дикие ущелья, темные ели, под которыми шумит северный ветер, все это, казалось мне на земле, имело какое-то скрытое соотношение с моими сокровенными мыслями. Когда я увидел Ирландию, мне показалось, что я уже жил в ней. Когда я в первый раз поднялся на Риги и Фанстераргорн и увидел величественное восхождение солнца на снежных Альпийских высотах — мне показалось, что я уже когда-то видел это. Призрак Браксна не показался мне новым. Это потому, что я раньше жил в местностях, сходных с этими на планете Девы. Та же жизнь, те же действия, обстоятельства, условия. Сходство, сходство! Почти все, что я видел, делал, думал на земле, все это я уже перевидал, переделал, передумал сто лет тому назад на другом мире.

Я всегда это подозревал! Но моя земная жизнь, — в общем, выше предшествовавшей. Каждый ребенок приносит, рождаясь, различные способности, специальные предрасположения, врожденные особенности, неоспоримые и которые не могут быть объяснены философским мышлением иначе, как только работою, совершенною раньше свободными душами. Но, хотя моя земная жизнь была выше предшествовавшей, главным образом, с точки зрения более точного и глубокого познания системы мира, тем не менее, я должен заметить, что на земле мне не доставало некоторых физических и духовных способностей, которыми я обладал прежде. С другой стороны, я обладал в этом мире способностями, которых не было у меня раньше.

Как, например, из физических способностей, которых мне не хватало на земле, я в особенности укажу на способность летать. На планете Девы я вижу, что я летал так же часто, как и ходил, и это без всякого воздухоплавательного прибора, без крыльев, просто руками и ногами, как плавают в воде. Рассматривая этот способ передвижения, какой, как я вижу ясно, практиковался мною на этой планете, я без труда узнаю, что у меня нет (или лучше сказать не было) ни крыльев, ни воздушного шара, никаких других

приспособлений. В известный момент я подскакиваю с земли, как будто от сильного толчка и, вытянув руки, без усталости плаваю в воздухе. В другой раз, спускаясь пешком с крутой горы, я бросаюсь вперед в пространство, со сжатыми вместе ногами и опускаюсь медленно вкось, по желанию, до точки, где ноги мои коснутся земли, и я встану. Или еще, я медленно лечу, на манер голубя, описывающего дугу при возвращении на голубятню. Вот что я вижу ясно проделывающим себя в том мире.

Да, но ведь я не раз, а может быть, сотни, тысячи раз чувствовал себя летающим таким образом во время своих земных снов, и именно таким образом — тихо, естественно и без приспособлений. Каким образом такие невозможности являлись бы нам так часто во сне? Ничем нельзя их объяснить, ничего похожего не существует на земном шаре. Инстинктивно подчиняясь этому врожденному стремлению, я множество раз поднимался в атмосферу на воздушном шаре; но впечатление не то: *не чувствуешь себя летящим*, наоборот, чувствуешь себя почти неподвижным. Теперь у меня есть объяснение моих снов: во время сна моих земных чувств, душа моя носилась в воспоминаниях своего прежнего существования.

Quaerens. — Но я тоже очень часто чувствовал и видел себя летающим во сне и тоже так, посредством произвольного движения тела, без крыльев и других приспособлений. Разве я тоже жил на планете Девы?

Lumen. — Я этого не знаю. Если бы у тебя было сверхчувственное зрение или инструменты, или хорошие, зоркие глаза, ты мог бы даже с вашего шара увидеть эту планету, рассмотреть ее поверхность и если бы случайно ты жил на ней в то время, когда из нее вышли лучи света, достигающие в настоящее время земли, — ты мог бы, может быть, разыскать себя на ней. Но у тебя слишком слабые глаза, чтобы делать подобную попытку. К тому же, тебе совсем не было надобности жить именно на этой планете, чтобы быть одаренным способностью летания. Есть значительное число миров, где летание представляет нормальное состояние и где все человечество живет только этой способностью. В действительности есть мало планет, на которых живые существа пресмыкались бы, как на земле.

Quaerens. — Из твоего предшествующего видения должно следовать, что твое существование на земле не первое, и что прежде, чем жить на земле — ты жил в другом мире. Значит ты веришь в то, что душа существует много раз?

Lumen. — Разве ты забыл, что говоришь с бесплотным духом? Я должен преклониться перед очевидностью, имея перед собой мою земную жизнь и прежнюю жизнь на планете Девы. Кроме того, я теперь припоминаю несколько других существований.

Quaerens. — Ах! Вот именно чего мне недостает, чтобы составить себе подобное же убеждение. Я решительно ничего не помню из того, что могло предшествовать моему рождению.

Lumen. — Ты еще облечен в телесную оболочку. Подожди освобождения, чтобы вспомнить о своей духовной жизни. Душа приобретает полную память, полное обладание собою только во время своей нормальной, небесной жизни, т. е. в промежутки между своими воплощениями. Тогда она видит не только свою земную жизнь, но и свои другие прежние существования.

Каким образом душа, скованная грубой земной оболочкой и прикрепленная к земле для временного труда, могла бы помнить о своей духовной жизни? И как вредно могло бы быть для нее такое воспоминание: какие препятствия ставило бы оно свободе ее поступков, показывая душе ее начало и конец? Каким образом, зная свою судьбу, мы заслуживали бы ее? Души, воплощенные на земле, не достигли еще достаточно высокого развития, чтобы воспоминание об их прежнем состоянии могло быть им полезно. Впечатления прежних состояний не обнаруживаются в этом преходящем мире. Гусеница не помнит о своем рудиментарном существовании в яйце. Спящая куколка не помнит о тех днях, когда она ползала по траве. Бабочка, порхающая с цветка на цветок, не помнит ни того времени, когда ее куколка дремала, прицепившись к паутине, ни сумрака, в котором ее личинка перелезала с травки на травку, ни потемок, в которых она лежала под покровом шелухи зерна. И это несколько не препятствует тому, чтобы

яйцо, гусеница, куколка и бабочка представляли одно и то же существо. Известные случаи самой земной жизни представляют тебе замечательные примеры отсутствия памяти, как, например, в сомнамбулизме, естественном или вызванном, и в известных психических условиях, которые изучает современная наука. Следовательно, ничего нет поразительного в том, что во время одного существования мы не помним о предшествовавших.

Quaerens. — Однако, учитель, если бы мы жили до этой жизни, то что-нибудь нам бы от нее осталось. Иначе этих прежних существований как будто бы и не было.

Lumen. — А разве родиться с прирожденными к чему-нибудь способностями ничего не значит? Духовной наследственности не существует. Двое детей рождаются от одних и тех же отца и матери, получают совершенно одинаковое воспитание, окружены одинаковыми заботами, живут в одинаковой среде. И рассмотри каждого из них. Одинаковы ли они? Ничуть: равенства душ не существует. Один приносит с собой мирные инстинкты и обширный ум; он будет добр, умен, сведущ, знаменит даже, может быть, среди мыслителей. А другой приносит с собой инстинкты властолюбия, зависти, даже, может быть, жестокости. В большей или меньшей степени это несходство характеров, не зависящее ни от семьи, ни от расы, ни от воспитания, ни от физического состояния, проявляется у всех людей. И ты можешь над этим раздумывать сколько угодно: ты придешь к убеждению, что это необходимо и может иметь свое объяснение только в предшествующих состояниях души. На вашей планете ни одно существо не может воплотиться иначе, как через посредство, человеческого зародыша. Это закон земной жизни. Но нужно смотреть сквозь завесу: душа не вещь. Тело есть только ее оболочка.

Quaerens. — Я согласен, что различие способностей, приносимых в мир, не объясняется органическими причинами. Но, спрашиваю я себя: к чему послужили бы несколько существований, если, начиная новую жизнь, не помнишь о предыдущих? Более того, я спрашиваю себя: действительно ли для нас желательно иметь в перспективе бесконечное путешествие по мирам и вечное переселение душ? Потому что, наконец, необходимо, чтобы все имело предел и чтобы после стольких веков путешествия, мы получили бы отдых. В таком случае, отдыхать немедленно после одного существования...

Lumen. — О, люди! Вы не знаете ни пространства, ни времени; вы не знаете, что вне движения звезд времени не существует и что вечность неизмерима; вы не знаете, что в бесконечности мирового звездного протяжения пространство есть пустое слово, и оно неизмеримо; вы ничего не знаете: ни оснований, ни причин, все для вас неуловимо; атомы на движущемся атоме, вы не имеете никакого точного представления о вселенной; и в такой-то тьме, в таком невежестве вы хотели бы судить обо всем, все объять, все охватить! Но легче было бы заставить океан войти в ореховую скорлупу, чем заставить вас понять закон судеб вашим собственным земным умом. А потому, не лучше ли вам, делая законное употребление из дарованной вам способности индукции, остановиться на прямых последствиях умозрительного наблюдения! Умозрительное наблюдение доказывает, что мы не одинаковы при появлении на свет, что прошлое подобно будущему и что вечность, которая впереди нас, также и позади нас; что ничто не творится в природе и ничто не уничтожается; что природа распространяется на все существующее, и что Бог, разум, закон, число настолько же не вне природы, как и материя, вес, движение; что нравственная истина, справедливость, мудрость, добродетель существуют в мировом движении так же, как и физическая реальность; что справедливость требует равенства в распределении судеб; что судьбы наши не заканчиваются на земной планете; что другие населенные планеты движутся вместе с нашей в пространстве, открывая крыльям души неистощимое поле, и что бесконечность вселенной в мире материальном соответствует вечности нашего духа в мире духовном. И не достаточно ли таких убеждений в связи с индукциями, которые они нам внушают, чтобы освободить наш разум от старых предрассудков и представить свободному рассудку панораму, достойную смутных и глубоких желаний наших душ?

Я мог бы иллюстрировать этот общий набросок примерами и подробностями, которые тебя еще

больше поразили бы. Мне достаточно прибавить, что в природе есть другие, неизвестные тебе силы, сущность которых и способ проявления совершенно другие, нежели у электричества, притяжения, света и т. д. И среди этих неизвестных естественных сил есть особенно одна, будущее изучение которой приведет к удивительным открытиям для уяснения вопросов о душе и жизни. Это сила психическая. Эта невидимая сила устанавливает таинственную связь между живыми существами, даже без их ведома, и уже во многих обстоятельствах вы могли признать ее существование. Вот два *любящих друг друга* существа. Они не могут жить в разлуке. Если сила событий вызывает разлуку, наши влюбленные смущаются, становятся рассеянны, души их беспрестанно покидают тело, чтобы встретиться и через расстояние. Они думают об одном и том же и живут общей жизнью, несмотря на разлуку. Если какое-нибудь несчастье случается с одним, другой получает отраженный удар. Бывали случаи, что такая разлука производила смерть. Сколько констатировано случаев с неопровержимыми доказательствами о неожиданном появлении какого-нибудь лица интимному другу, жены мужу, матери сыну и обратно, именно в тот момент, когда появившийся человек умирал иногда где-нибудь на огромном расстоянии? Самая строгая критика не может теперь отрицать этих достоверно констатированных фактов. Двое детей-близнецов, живших на десятиверстном расстоянии друг от друга и в совершенно различных условиях, заболели в одно и то же время одинаковою болезнью, или, если один из них чрезмерно уставал, другой, совершенно беспричинно, начинал себя чувствовать плохо, и так далее. Эти многочисленные факты доказывают, что существуют симпатические узы между душами и даже между телами и еще лишний раз заставляют нас подумать о том, что мы далеко не знаем всех действующих сил в природе.

Если я тебе открываю эти взгляды, о, друг мой, так это для того, чтобы показать тебе, что ты еще до смерти можешь предчувствовать истину и что земное существование не настолько лишено света, чтобы нельзя было посредством рассуждения дойти до ознакомления с главнейшими чертами духовного мира. К тому же, все эти истины должны проистечь из моего рассказа, когда я скажу тебе, что я увидел не предпоследнее только из своих существований, благодаря медленности света, но и мою запредпоследнюю планетную жизнь, и более десяти существований, предшествовавших тому, в котором мы с тобою встретились на земле.

III

Quaerens. — О, Люмен! Размышление и наука уже приблизили меня к уверенности в многократном существовании души. Но так как эта доктрина далеко не имеет за себя столь многочисленных и очевидных логических, моральных и физических доказательств, как доктрина существования множества обитаемых миров, то признаюсь, сомнение осталось и до сих пор у меня в мысли. Современная оптика и превосходные вычисления, дающие нам возможность некоторым образом осязать другие миры, показывают нам их годы, времена года и дни, заставляют нас присутствовать при изменениях живой природы на их поверхности; все эти данные дозволили современной астрономии установить доктрину человеческого существования на других звездах на прочном и нетленном фундаменте. Но, скажу еще раз, совсем не так ясно стоит вопрос о возрождении, и, хотя я сильно склоняюсь к переселению душ на небо, потому что это единственная возможность представить себе вечную жизнь, но стремления мои требуют, тем не менее, для своей поддержки и упрочения, света, которого у меня еще нет.

Lumen. — Вот именно этот-то свет и составит предмет нашей сегодняшней беседы. Признаюсь, у меня есть преимущество перед тобою: я говорю об очевидности и строго придерживаюсь того, чтобы быть только точным истолкователем событий, из которых соткана в настоящее время моя духовная жизнь. Но так как твой ум может понять возможность и правдоподобность научного объяснения моего рассказа, то, слушая его, он может только сам просветлеть и увеличить свое знание.

Quaerens. — Поэтому-то я и жажду всегда тебя слышать.

Lumen. — Ты понял, что свет должен доставить нетленной душе непосредственное лицезрение ее

существований на планетах.

После своего земного существования я увидел свое предпоследнее существование на одной из планет Гаммы Девы. Одно — свет доставил мне через 72 года, другое — через 172 года; я вижу сейчас с Капеллы, каким я был 72 года тому назад на земле и 172 года тому назад на планете Девы. Таким образом, вот два *прошедших и последовательных* существования, сделавшихся для меня *настоящими и одновременными*, благодаря законам света, который мне их передаст.

Около 500 лет тому назад я жил на планете, занимающей астрономическое положение, если смотреть на нее с земли, на левой стороне груди Андромеды. Конечно, обитатели этого мира и не подозревают, что жители маленькой планеты соединили звезды по фиктивным линиям, начертили фигуры мужчин, женщин, животных, различных предметов и соединили все звезды (чтобы дать им названия) в эти более или менее оригинальные фигуры. Планетные люди очень удивились бы, если бы им сказали, что на земле некоторые звезды называются Сердцем Льва (что за сердце!), Головою Собаки, Хвостом Большой Медведицы, Волчьим Оком, Шеей Дракона, Лбом Козерога! Тебе неизвестно, что созвездия, нарисованные на небесной сфере и расположения звезд на этой сфере не действительны и не абсолютны, но зависят исключительно от положения земли в пространстве и являются, таким образом, просто делом *перспективы*. Тот, кто с высокой горы снимает открывающуюся ему панораму и обозначает на своем плане взаимное расположение всех высот, которые он видит, — холмов, долин, деревень, озер, — составляет карту, могущую служить только для той местности, где эта гора находится. Если отойти на 20 километров дальше, то те же вершины видимы, но взаимное расположение их совсем иное, вследствие изменения перспективы.

Панорама Альп и Оберланда, если смотреть на нее с Люцерна и Пилата, не походит на ту, которая открывается с Фаульхорна или Шейниге-Платто над Интерлакеном. А между тем, это те же высоты и те же озера. То же самое и со звездами. С Дельты Андромеды и земли видны почти одни и те же звезды. И, тем не менее, нельзя найти больше ни одного созвездия; все небесные перспективы изменились: звезды первой величины сделались звездами второй и третьей величины; некоторые, низшего разряда, на более близком расстоянии сделались яркими, и особенно изменилось взаимное расположение звезд, вследствие разницы между положением данной звезды и земли.

Quaerens. — Значит, созвездия, которые так долго считались неизгладимо начертанными на небесном своде, обязаны своим существованием только перспективе. При перемене положения перспективы меняются, и небо не остается тем же самым. Но, в таком случае, не должна ли была бы и для нас меняться небесная перспектива через каждые шесть месяцев, потому что за этот промежуток времени земля очень изменяет положение и перемещается на расстояние в 74 миллиона лье от точки, которую она занимала 6 месяцев тому назад!

Lumen. — Это возражение доказывает мне, что ты отлично усвоил принцип изменения вида созвездий, по мере движения в какую бы то ни было сторону в пространстве. И это бы так и было, если бы орбита земная была достаточно обширных размеров, чтобы две противоположные точки ее могли изменять вид неба.

Quaerens. — Семьдесят четыре миллиона лье...

Lumen. — Не представляют ничего в ряду небесных расстояний и так же мало могут изменить перспективы звезд, как шаг в сторону на фонаре Пантеона не может изменить для наблюдателя видимое расположение зданий в Париже.

Quaerens. — На некоторых средневековых картах зодиак изображается пределом небесного свода. Так, значит, это была чистая фантазия, если созвездий в действительности не существует, а есть простые внешние сближения, благодаря перспективе.

Lumen. — Очевидно. Старое теологическое небо не имеет в настоящее время никакого основания, и простой здравый смысл говорит, что его не существует. Двух истин, прямо противоположных одна другой, существовать не может, и необходимо, чтобы духовное небо согласовалось с реальным; и вот это-то и имеют целью доказать тебе мои разговоры.

На планете Андромеды, о которой я тебе говорю, в действительности ничего нет из созвездия Андромеды. Звезды, которые с земли кажутся соединенными и послужили к составлению небесного рисунка дочери Цефея и Кассиопеи, разбросаны в пространстве на всевозможных расстояниях и во всевозможных направлениях. Ни тут, ни в другом месте нельзя найти никакого, признака следов земной мифологии.

Quaerens. — Таким образом утрачивается поэзия... Я бы, конечно, испытывал чувство сладкого удовлетворения, зная, что мне предстоит провести целую жизнь на груди у Андромеды. Это рисует картину. Во всем этом есть мифологический аромат и чувство жизненности. Я с удовольствием перенесся бы, не боясь чудовищ и заботясь о молодом Персее, в сопровождении его медузьею головы и знаменитого Пегаса. Но теперь, благодаря скальпелю науки, нет больше ни принцессы, стоящей без покрывала на краю волн, ни девы, держащей золотой колос, ни Ориона, преследующего Плеяды; Венера исчезла с нашего вечернего неба, и старый Сатурн уронил свой серп в ночную мглу. Наука все истребила! Я жалею о таком прогрессе!

Lumen. — Разве ты предпочитаешь иллюзию действительности? И неужели ты еще не знаешь, что истина несравненно лучше, выше, восхитительнее и чудеснее даже самого изукрашенного заблуждения? Что может сравниться во всех прошлых и настоящих мифологиях с одним лишь научным созерцанием небесного величия и движения природы? Какое впечатление может глубже поразить душу, чем *факт* безграничности пространства, занятого мирами, и необъятности звездных систем!

Какое слово красноречивее безмолвия звездной ночи! Какое представление может повергнуть мысль в более глубокую пучину изумления, нежели это путешествие света от звезды к звезде, запечатлевающее навеки преходящие события жизни каждого мира?! О, друг мой, освободись же от своих старых заблуждений и сделайся действительно достоин величия науки. Слушай дальше.

Благодаря периоду времени, какое употребляет свет, чтобы достигнуть от системы δ Андромеды до Капеллы, я, в этом 1869 году, увидел свое запредпоследнее существование, бывшее 550 лет тому назад. Это мир очень удивителен для нас. На поверхности его только одно царство: царство животное. Растительного — не существует. Но это животное царство очень отличается от нашего, хотя высшие его разумные представители обладают пятью чувствами, как и на земле. Это мир, не знающий сна и покоя. Он совершенно окутан розовым океаном, менее плотным, чем земная вода и более плотным, чем воздух. Это субстанция, занимающая середину между воздухом и водою. Не старайся точно представить ее себе: тебе это не удастся, потому что в земной химии нет подобного вещества. Некоторое понятие о нем тебе может дать углекислый газ, который невидим на дне стакана и который льют, как воду. Это состояние происходит вследствие постоянного присутствия определенного количества теплоты и электричества на этом шаре. Ты, конечно, знаешь, что на земле все тела — минералы, растения и животные — находятся в одном из трех состояний: в твердом, жидком или газообразном, и что все эти три состояния зависят исключительно от тепла, проливаемого солнцем на земную поверхность. Внутренний жар земного шара оказывает лишь незаметное действие на эту поверхность. Меньшее количество солнечного тепла обратило бы газы в жидкости, а жидкости — в твердые тела. Больше количество его растопило бы твердые тела и выпарило бы жидкости. Достаточно предположить большее или меньшее количество тепла, чтобы сделать воздух жидким (воздух, понимаешь?) и мрамор газообразным. Если бы вследствие какой-нибудь причины земная планета покатила бы по касательной к своей орбите и удалась бы в ледяную тьму пространства — ты увидел бы, что вся вода на земле сделалась бы твердой, а газы сделались бы жидкими, а потом тоже

твердыми... Ты увидел бы... нет, ты не увидел бы этого, оставаясь на земле, но из глубины пространства ты мог бы присутствовать при этом довольно любопытном зрелище, если бы когда-нибудь вашему шару удалось пойти по касательной. И кроме того, заметь, что если бы наступление этого колоссального холода произошло внезапно, живые существа мгновенно замерзли бы на месте, и шар унес бы в пространство удивительную панораму всех человеческих и животных рас, застывших для вечности в тех разнообразных позах, какие каждое существо имело в момент катастрофы. Есть миры в таком положении. Это известные эксцентрические планеты, на которых живые существа, незаметно остановленные в своей жизни, вследствие быстрого удаления планеты от солнца, представляют из себя миллионы статуй. Большинство из них лежит, так как это глубокое изменение температуры совершается в несколько дней. Миллионы их лежат мертвые, или, лучше сказать, заснувшие в летаргическом сне. Холод сохраняет их от разложения. Через три или четыре тысячи лет, когда планета возвратится из своего темного ледяного афелия к блестящему перигелию к солнцу, плодотворная теплота согреет эту поверхность своими лучами; она быстро начнет увеличиваться и когда дойдет до того градуса, который присущ естественной температуре этих существ, — они воскреснут в том возрасте, в каком они были в тот момент, когда заснули, и примутся за свои прежние дела, не зная никоим образом, что они спали целые века. Есть даже такие, которые станут продолжать начатую игру, оканчивать фразу, первые слова которой были произнесены четыре тысячи лет тому назад. Мы видели, что в действительности времени не существует. Тут происходит в большом виде то, что в маленьком совершается на земле с вашими инфузориями, воскресающими под дождем после нескольких лет кажущейся смерти.

Но возвратимся к миру Андромеды. Розовая, полужидкая атмосфера, покрывающая ее целиком, подобно океану без островов, составляет местопребывание живых существ этого шара. Никогда не отдыхая на дне этого океана, до которого никто никогда не касался — они непрестанно носятся среди подвижного элемента. От самого своего рождения и до смерти они не знают ни минуты покоя. Беспрестанное движение есть условие самого их существования. Если бы они остановились, то погибли бы. Чтобы дышать, т. е. чтобы заставить проникнуть себе в грудь жидкое вещество, они должны беспрестанно двигать своими щупальцами и держать свои легкие (беру это слово, чтобы быть понятным) всегда открытыми. Наружный вид этой человеческой расы напоминает несколько древних сирен, но менее элегантных и приближающихся к наружности тюленя. Видишь ли ты существенную разницу, отличающую строение этих людей от строения земных людей? Она заключается в том, что на земле мы дышим, не замечая того, не производя никакой работы для получения кислорода, достигая без труда превращения венозной крови в артериальную путем поглощения кислорода. В том мире, наоборот, — это пища, которую получают только ценою труда, ценою непрерывных усилий.

Quaerens. — Значит, этот мир ниже нашего в смысле ступени развития?

Lumen. — Без всякого сомнения, раз если я жил в нем раньше, чем придти на землю. Но не думай, чтобы земля была много выше, потому что мы дышим во сне. Конечно, для нас очень выгодно быть снабженными пневматическим механизмом, который раскрывается сам собою из секунды в секунду каждый раз, как только нашему организму нужен сильнейший глоток воздуха, и который действует автоматически день и ночь. Но человек живет не одним воздухом; земному организму нужно еще более солидное дополнение, и это дополнение не приходит к нему само собой. Что из этого происходит? Взгляни на минуту на землю. Что за грустное, тяжелое зрелище! Что за мир нищеты и озверения! Все эти толпы народа, — согнувшегося над землей, которую они скребут изо всех сил, чтобы получить от нее хлеб! Все эти головы, склоненные к земле, вместо того, чтобы быть поднятыми для созерцания природы! Все эти усилия и труды, влекущие за собою болезни и слабость! Вся эта торговля, чтобы добыть немножко золота за счет других! Эксплуатация человека человеком! Словом, *личный* интерес, вечный эгоизм, часто гнусный, и владычество плоти над духом! Вот нормальная картина земли, положение, вытекающее из закона, управляющего вашими телами, заставляющего вас убивать, чтобы жить, и предпочитать обладание

материальными благами, которые не уносят в могилу — обладанию благами духовными, богатство которых душа всегда неотъемлемо хранит.

Quaerens. — Ты говоришь так, учитель, точно думаешь, что можно существовать без пищи.

Lumen. — Неужели ты думаешь, что на всех мирах в пространстве люди обречены на такую смешную операцию? По счастью, в большинстве миров разум не подчинен подобному поношению.

Поверить в возможность существования питательных атмосфер совсем не так трудно, как кажется сначала. Поддержка жизни и у человека, и у животных зависит от двух причин: дыхания и питания. Первое заключается, конечно, в атмосфере, второе — в пище. Из пищи образуется кровь; из крови происходят ткани, мускулы, кости, связки, мясо, мозг, нервы, словом, органический состав тела. Кислород, который мы вдыхаем, сам может быть рассматриваем как пищевая субстанция, потому что, комбинируясь с питательными веществами, поглощенными желудком, он производит кровообращение и развитие тканей.

Теперь, чтобы представить себе питание, перенесенное целиком в область атмосферы, достаточно припомнить, что в сумме полное питание составляется из альбуина, сахара, жира и солей, и представить себе, что атмосфера, вместо того, чтобы состоять из кислорода и азота, будет состоять из различных субстанций в газообразном виде. Эти пищевые элементы заключаются в твердых телах, которые вы поглощаете, и на пищеварении лежит обязанность выделить их и ассимилировать организму. Когда вы съедаете кусок хлеба, вы вводите в свой желудок крахмал — вещество нерастворимое в воде и которого не находят в крови. Слюна и сок из поджелудочной железы превращают нерастворимый крахмал в растворимый сахар. Желчь, поджелудочный сок и отделения кишечника превращают сахар в жир. В крови находят и сахар, и жир, и таким образом, путем процесса питания, питательные вещества разложились и ассимилировались вашему телу. Ты удивляешься, мой друг, что я, будучи уже пять земных лет в небесном мире, помню еще все эти материальные термины и что я опускаюсь до такого разговора. Воспоминания, унесенные мною с земли, далеко еще не изгладились, и так как нам случайно пришлось коснуться вопроса органической физиологии, то я называю вещи их именами, не чувствуя никакого ложного стыда.

Если мы предположим, что пищевые элементы, вместо того, чтобы соединяться и смешиваться в твердом и жидком виде внутри самого тела, будут находиться в газообразном виде в составе атмосферы, то мы этим самым создадим питательную атмосферу, которая уничтожит пищеварение со всеми его смешными и грубыми функциями.

То, что человек может представить себе в узкой сфере, где совершаются его наблюдения, то природа сумела осуществить более, чем в одном месте всемирного творения. И уверяю тебя, что когда отвыкнешь от этой животной операции введения пищи в пищеварительный канал, нельзя бывает не поражаться ее грубостью. Еще несколько дней тому назад я думал об этом, когда, блуждая глазами по одному из самых роскошных пейзажей вашей планеты, я был поражен ангельской красотой одной молодой девушки; она полулежала в гондоле, тихо плывшей по голубым водам Босфора, около Константинополя. Красные бархатные подушки, вышитые яркими шелками, представляли собою диван, на котором она лежала; перед ней, на коленях, маленький черный невольник играл на каком-то струнном инструменте. Тело ее было так юно и грациозно, рука, на которую она опиралась, была так изящна, ее глаза были так чисты и наивны и слегка задумчивый лоб так спокоен, что я на минуту остановился в восхищении перед этим мастерским произведением живой природы. И вот, в то время, как эта чистота пробуждающейся юности, эта сочность цветка, раскрывающегося первым лучам существования, держали меня под властью минутного очарования, лодка пристала к пристани у берега, и молодая девушка, поддерживаемая невольником, села на софу перед роскошно уставленным столом, вокруг которого уже собрались другие. И она начала есть! Да, она ела! Может быть, около часу; я насилу мог сдаться доводам моих земных воспоминаний. Что за смешное зрелище! Такое существо несет в рот пищу и время от времени вливает какое-то вещество в нутро своего очаровательного тела! Какая пошлость! И ее жемчужные зубки имеют мужество разжевывать куски

какого-то животного! И затем куски другого животного видят как перед ними без колебания раскрываются девственные губы, чтобы взять их и пожрать! Ужас! Я с грустью отвел свои взоры от этого странного контраста и обратил их на систему Сатурна, где человечество не доведено до такой необходимости.

Движущиеся существа, принадлежащие к миру Андромеды, где я провел свое запредпоследнее существование, еще более, чем обитатели земли, подчинены необходимости работать для пищи. У них нет воздуха, который бы их питал на три четверти, как на вашем шаре: им нужно добывать то, что можно назвать их кислородом, и они обречены без отдыха приводить в действие свои легкие и готовить питательный воздух, никогда не зная сна и не насыщаясь, потому что, несмотря на весь свой труд, они могут поглощать только очень немного воздуха зараз. Так проводят они целую жизнь и умирают, изнемогая от труда.

Quaerens. — Из этого следует, что жители Дельты Андромеды много ниже нас и в физическом и в духовном смысле. В конце концов значит, на этом шаре — царство существ подвижных, не знающих ни отдыха, ни сна, осужденных на бесконечное движение неумолимым роком. Такой мир кажется мне очень странным.

Lumen. — А что бы ты сказал о том мире, в котором я жил пятнадцать веков тому назад? Мир, одаренный также одним царством, но не подвижным, а, наоборот, неподвижным царством, подобным вашему царству растений.

Quaerens. — Животные и люди, прикрепленные корнями?..

IV

Lumen. — Мое существование, предшествовавшее существованию на планете Андромеды, совершилось на планете Венере, по соседству с землей; я помню себя на ней женщиной. По световым законам я не видал вторично этой планеты, потому что свету нужно одинаковое время, чтобы дойти и от Венеры и от земли до Капеллы; теперь я вижу ее такую, какою она была 72 года тому назад, а не 900 лет — время моего на ней существования. Моя четвертая жизнь, предшествовавшая земной, прошла на огромной кольцеобразной планете, принадлежащей созвездию *Лебедя* и находящейся в полосе Млечного пути. Этот странный мир населен только растениями.

Quaerens. — То есть там есть еще только растения, но нет ни животных, ни разумных и говорящих существ?

Lumen. — Не совсем так. Действительно, там есть только растения. Но в этом обширном мире растений есть растительные породы более развитые, нежели существующие на земле: есть растения, живущие подобно мне и тебе, чувствующие, думающие, рассуждающие и говорящие.

Quaerens. — Но это невозможно! О, прости! М хочю сказать только, что это необыкновенно и совершенно непонятно.

Lumen. — Эти растительные одухотворенные породы не только существуют, но я сам принадлежал к ним пятнадцать столетий тому назад, и был разумным деревом.

Quaerens. — Но каким образом может растение рассуждать без мозга и говорить без языка?

Lumen. — Расскажи мне, пожалуйста, каким внутренним процессом совершается в тебе мышление и посредством какого преобразования движения душа твоя переводит эти немые понятия в удобопонятные слова?

Quaerens. — Я ищю, учитель, но не нахожу необходимого объяснения этого столь обыкновенного факта.

Lumen. — Мы не имеем права объявлять неизвестный факт невозможным, не зная закона своего

собственного существования. Из того, что мозг есть физиологический орган, отданный на земле в распоряжение ума, уж не полагаешь ли ты, что существуют аналогичные мозги, мозжечки и спинные мозги на всех планетах в пространстве?

Это было бы очень наивное заблуждение. Закон прогресса управляет жизненной системой каждого из миров. Эта жизненная система различается, смотря по внутренней природе и особым силам, свойственным каждому миру. Когда он дошел до известной достаточной ступени развития, делающей его способным принять участие в сфере мировой духовной жизни, в нем появляется более или менее развитой разум.

Quaerens. — Конечно, этот мир человеко-растений поражает меня еще более, чем предшествовавший. Но я с трудом могу представить себе жизнь и нравы этих странных существ.

Lumen. — Их образ жизни, действительно, очень отличается от вашего. Они не строят городов, не путешествуют. Осторожные, терпеливые и одаренные постоянством, они не обладают ни подвижностью, ни хрупкостью земных людей. Они живут от 500 до 600 лет спокойной, тихой, однообразной жизнью, без переверотов. Но не думай, что эти человеко-растения живут только одной растительной жизнью. Наоборот, существование их очень индивидуальное и самостоятельное. Они разделяются на семьи, естественное достоинство которых различается по породам. У них есть социальная история, не писанная, потому что никто не может потеряться среди них, благодаря отсутствию переселений и завоеваний, но в преданиях из поколения в поколение. Каждый знает историю своей породы. У них также два пола, как и на земле, и союзы совершаются подобным же образом, но чище, бескорыстнее и всегда по сочувствию.

Quaerens. — Но как могут они, наконец, сообщать друг другу свои мысли, если правда, что они думают? И каким образом, учитель, узнал ты самого себя в этом удивительном мире?

Lumen. — Один и тот же ответ удовлетворит оба твои вопроса. Я смотрел на это кольцо созвездия Лебедя, и взор души моей упорно к нему приковывался; я сам был поражен, видя только растения на его поверхности, и, главным образом, меня удивляла их странная группировка в одном месте попарно, в другом по трое, дальше по десятку, еще дальше помногу; одни как будто сидели на берегу ручья, другие как будто лежали с маленькими отпрысками вокруг себя; я старался признать в них виды земных растений, как, например, ели, дубы, тополи, вязы, но я не находил этих ботанических пород; наконец, я стал часто смотреть на одно растение, имевшее форму смоковницы, без листьев и плодов, но с ярко-красными цветами; как вдруг я увидел, что эта огромная смоковница протягивает ветвь, как гигантскую руку, подносит конец этой руки к своей голове, отрывает один из чудных цветков, украшавших ее волосы, и подает его затем, склоняя голову, другой смоковнице, тонкой и изящной, с нежно-голубыми цветами, находившейся в некотором расстоянии от нее. Та, казалось, получила красный цветок с некоторым удовольствием, потому что она протянула ветку, можно было бы сказать, — дружескую руку, своей соседке, и они, по-видимому, долго стояли таким образом.

Ты знаешь, что в некоторых обстоятельствах достаточно одного жеста, чтобы признать известное лицо. То же случилось и со мной в присутствии этой картины. Этот жест смоковницы Млечного пути разбудил в моем уме целый мир воспоминаний. Этот человек-растение был *опять я же* пятнадцать столетий тому назад, и я признал своих детей в смоковницах с фиолетовыми цветами, окружавших меня, потому что я вспомнил, что окраска цветов потомства происходит от смешения обоих цветов отца и матери. Эти человеко-растения видят, слышат и говорят без глаз, без ушей и без гортани. Уже на земле у вас есть цветы, которые не только отличают ночь от дня, но и различные часы дня, высоту солнца над горизонтом, чистое небо от облачного; более того, они проявляют чувствительность к звукам и, наконец, отлично понимают не только друг друга, но даже и бабочек. Зачаточные органы этих растений доведены до надлежащей степени развития в том мире, о котором я тебе говорю, и существа эти так же совершенны в своем роде, как вы, на земле, в своем.

Интеллигенция их, правда, менее развита, чем средняя интеллигенция земного человечества; но в свои нравы и в свои взаимные отношения она вносит столько мягкости и деликатности, что в этом отношении могла бы служить примером жителям земли.

Quaerens. — Учитель! Как это возможно видеть без глаз и слышать без ушей?

Lumen. — Ты перестанешь удивляться, мой старый друг, если припомнишь, что свет и звук суть не что иное, как *два рода движения*. Чтобы узнать тот или другой из этих двух родов движения нужно (и этого довольно) быть одаренным прибором, который был бы в соответствии с ним, хотя бы это был простой нерв. Для вашей земной природы глаз и ухо являются этими приборами. В другой естественной организации зрительный, а также и слуховой нерв образуют совсем другие органы. К тому же, в природе существуют не только эти два рода движений: световое и звуковое; я могу даже сказать, что эти наименования происходят от вашей манеры чувствовать, а не от действительности. В природе есть не один, а десять, двадцать, сто, тысяча различных родов движений. На земле вы созданы так, что вам понятны преимущественно эти два рода движений, из которых составляется вся ваша жизнь. На других мирах есть другие чувства для оценки природы в других видах, чувства, из которых одни занимают место ваших глаз и ушей, а другие направлены к умозрениям, совсем отличным от тех, которые доступны земным организмам.

Quaerens. — Когда ты мне только что говорил о человеко-растениях на мире Лебеда, мне пришло на ум спросить тебя, есть ли душа у земных растений.

Lumen. — Без сомнения. Земные растения одарены душою совершенно так же, как и животные, и люди. Никакой организм не мог бы существовать без активно действующей души. Форма растения есть произведение его души. Почему желудь и персиковая косточка, посаженные в одну и ту же почву и в совершенно одинаковые условия, произведут первый — дуб, а вторая — персиковое дерево? Потому что органическая сила, пребывающая в дубе, произведет свое специальное растение, а другая органическая сила, другая душа, пребывающая в персиковом дереве, извлечет для себя другие элементы, чтобы образовать равным образом свое специфическое тело, точно так же, как и человеческая душа строит сама себе свое собственное тело, пользуясь средствами, данными земной природой в ее распоряжение. Только у души растений нет самосознания.

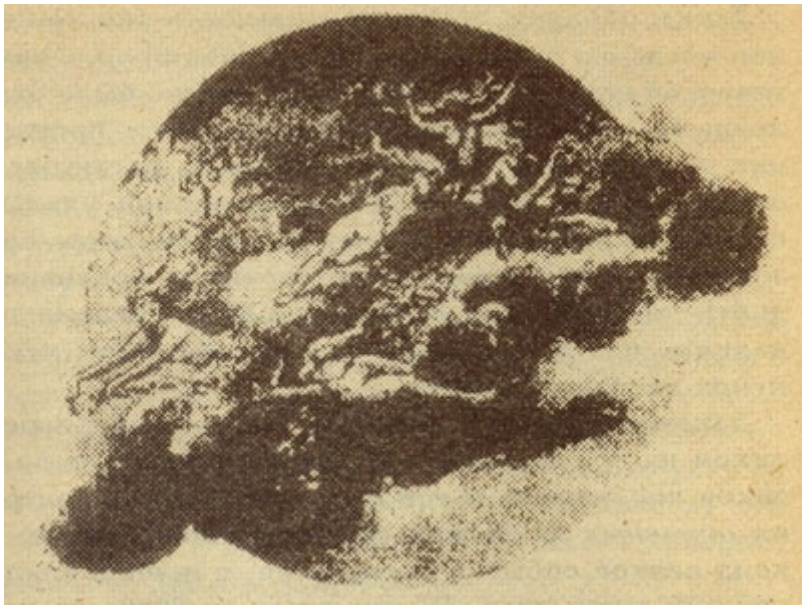
Души растений, души животных, души людей — уже существа, дошедшие до степени индивидуальности, авторитетности, достаточной для подчинения своему порядку, для господства и управления другими силами, не личными, разлитыми в лоне необъятной природы. Человеческая монада, например, стоящая выше монады соли, угля, кислорода, поглощает их и воплощает в своем произведении. Наша человеческая душа в нашем земном теле, на земле, управляет, не замечая этого, целым миром элементарных душ, образующих составные части ее тела. Материя не есть плотная и обширная субстанция, это собрание центров сил. Субстанция не имеет важного значения. От одного атома до другого находится пустота, огромная относительно размеров атомов.

Во главе различных центров образовательных сил, образующих человеческое тело, душа человеческая управляет целым миром душ, которые ей подчинены.

Quaerens. — Признаюсь, наставник, что не совсем ясно схватываю эту теорию.

Lumen. — Поэтому она и будет иллюстрирована для тебя примером, который обратит ее для тебя в факт.

Quaerens. — В факт? Уж не воплощенная ли ты принцесса Шехерезада и не хочешь ли ты обворожить меня новой сказкой из *«Тысячи и одной ночи»*.

Рассказ пятый

Ingenium audax natura audacior[7]

I

Lumen. — Ты знаешь величественное созвездие Ориона, проливающее свой царственный свет во время ваших зимних ночей, и любопытную сложную звезду θ (тета), которая находится под Мечом, подвешенным к Поясу Ориона, и блесит в фокусе знаменитой туманной звезды!

Эта система θ Ориона есть одна из самых диковинных драгоценностей, которыми так богат небесный ларец. Она состоит из четырех главных солнц, расположенных четырехугольником. Два из этих солнц, образующие, так сказать, основание четырехугольника, сопровождаются, кроме того, одно — одним солнцем, другое — двумя. Таким образом, это — система, состоящая из семи солнц, вокруг каждого из которых вращаются населенные планеты. Я был тогда на планете, вращающейся вокруг второстепенного солнца, которое само вращалось вокруг одного из четырех главных солнц. Последнее, в свою очередь, опять вращается, впрочем, вместе с другими, вокруг невидимого центра тяжести, помещающегося внутри четырехугольника. Я не останавливаюсь на этих движениях: небесная механика объяснила тебе их.

Таким образом, я был освещен и согрет на своей планете семью солнцами зараз: одним большим по величине, и, по-видимому, более ярким, чем шесть остальных, потому что оно было самое близкое ко мне; другим — очень большим и также очень блестящим; тремя — средних размеров и двумя маленькими близнецами. Эти разнообразные солнца никогда не были все вместе над горизонтом; были солнца дневные и ночные. Это означает, что там, собственно говоря, нет ночи.

Quaerens. — Как? В небе есть такие двойные и сложные солнца?

Lumen. — Очень много. Система, о которой я говорю тебе, между прочим, известна земным астрономам, насчитывающим в своих каталогах тысячи систем двойных, сложных и цветных звезд. Ты сам можешь изучить ее в телескоп.

Так вот на той планете Ориона, о которой я только что говорил, живые существа не представляют из себя ни животных, ни растений. Они не могут быть отнесены ни к какой классификации земной жизни, ни даже ни к одному из больших делений на царства животное и растительное. Я, право, не знаю, с чем их сравнить, чтобы дать тебе понятие об их форме? Видел ли ты в ботанических садах гигантскую свечу *segeus qiqanteus*[8]?

Quaerens. — Я хорошо знаю это растение. Название его происходит от его сходства с восковыми свечами, с тремя и более разветвлениями, которые зажигают в церквах.

Lumen. — Ну, так вот люди θ Ориона представляют некоторое сходство с этой формой. Только они медленно двигаются и стоят на земле, благодаря процессу присасывания. Нижняя часть их вертикального ствола, касающаяся земли, слегка вытягивает, подобно морским звездам, маленькие придатки, которые присасываются к земле. Эти существа ходят часто группами и перемещаются из одной широты в другую, сообразно временам года.

Но вот самый любопытный пункт их организации, делающий очевидным принцип, на который я тебе указывал, говоря о соединении элементарных душ в человеческом теле.

Я посетил однажды этот мир и находился среди орионического пейзажа. Передо мной было существо, похожее на растение, в десять метров высоты, без листьев и цветов и состоявшее из цилиндрического ствола, оканчивавшегося в своей верхней части несколькими разветвлениями,

напоминавшими разветвления подсвечника. Диаметр главного ствола, а равно и ветвей, мог равняться одной трети метра. Верхняя оконечность ствола и ветвей увенчивалась диадемой из серебристых бахромок.

Вдруг я увидел, что это существо закачало своими ветвями и упало. Действительно, в этом мире случается часто, что здоровые индивидуумы рушатся буквально в один момент.

Молекулы, составляющие их, все падают на землю. Индивидуум прекращает личное существование, а молекулы его отделяются друг от друга и разбредаются. Я вспоминаю, что такое распадение тела совершается в той жизни очень часто. Оно является результатом то какой-нибудь неприятности, то усталости, то органического несогласия между различными частями. Индивидуум ведет цельное здоровое существование, как ты, например, в данное время, и вдруг оказывается низведенным к своему простейшему выражению. Молекула спинного хребта, составляющая вашу необходимость, в силу падения своих сестер, чувствует свое опускание вдоль членов и, наконец, падает на землю, одинокая и независимая.

Quaerens. — Такой способ исчезновения был бы иногда очень удобен здесь, на земле. Чтобы выйти из затруднительного положения, как, например, в Мольеровской супружеской сцене, или в неприятных четверти часа у Рабле, или при желании избежать такой тяжелой вещи, как помост эшафота — достаточно бы было только перестать удерживать свои составные атомы, и тогда... прощайте господа...

Lumen. — Как тебе показали наши разговоры, я путешествовал в большом количестве различных небесных стран, и, в настоящее время, я изучаю мир вообще, нигде не останавливаясь надолго. В течение будущего века надеюсь опять воплотиться в мире, составляющем один из спутников Сириуса. Человечество там прекраснее, чем на земле. Рождения совершаются, следуя менее смешной и грубой органической системе, нежели у вас на земле; но самую замечательною особенностью жизни этого мира является то, что человек видит все физико-химические операции, совершающиеся в его теле. От каждой молекулы организма, так сказать, идет нерв, передающий мозгу разнообразные получаемые ею впечатления, так что душа в совершенстве знает свое тело и превосходно им управляет.

Разнообразие между мирами бесконечно. На одной из планет системы Альдебарана, очень любопытной с этой точки зрения, все растения состоят из вещества, сходного с амиантом (каменный лен), потому что кремнезем и магнезия преобладают в ее строении. Почти все существа, обитающие этот мир, несгораемы.

Недалеко от него вращается мир, в котором ночь почти неизвестна, хотя у него нет ни ночного солнца, как в четырехугольнике Ориона, ни спутников. Горные утесы, химический состав которых напоминает фосфаты и сернистый барит, вбирают в себя солнечный свет, получаемый в течение дня, и отражают ночью нежный и спокойный свет фтора, освещающего природу тихим ночным светом. Там есть также любопытные деревья, с цветами, сверкающими по вечерам подобно светлякам; эти деревья походят на каштановые деревья, белоснежные цветы которых издавали бы свет.

Фосфор играет большую роль в этом странном мире; атмосфера его постоянно насыщена электричеством, и не только животные его светятся так же, как и растения, но то же происходит и с людьми. Температура там очень высока, и у обитателей ее не было достаточной причины выдумать одежду. Кроме того, случается, что некоторые страсти выражаются освещением известной части тела. Это в большом виде то же, что происходит в малом на ваших земных полях, где в тихие летние вечера светящиеся червячки безмолвно сгорают огнем любви. У северных светляков, встречающихся во Франции, самец обладает крыльями, но не светится, самка же, наоборот, издает свет, но лишена крыльев. В Италии светляки обоих полов и летают и могут светиться. Человечество, о котором я тебе рассказываю, обладает преимуществами последнего типа. Некоторые формы земной жизни встречаются во многих родах

звездного человечества. Так, например, подобно тому, как на земле, у муравьев, вслед за днем их воздушных свадеб, следует истощение и смерть всех самцов, как у пчел производители безжалостно умерщвляются, как у пауков они пожираются своими самками, если не сумеют убежать, подобно тому так же, как огромное число насекомых никогда не видит своего потомства и, благодаря этому, кладет яйца в такую среду, где новорожденные найдут свою первую пищу; точно также существуют миры, где старость неизвестна, где пламенная любовь сжигает в каком-то фантастическом исступлении все существа, захваченные минутным наслаждением и презирающие неизвестное будущее. Активный пол не переживает никогда следующего дня брака, а пассивный засыпает вечным сном, обеспечив будущее своему потомству.

Существуют миры, где жизненные отправления: дыхание, пищеварение, органические периоды, день и ночь, времена года и годы длятся необыкновенно долго, хотя нервная система у тамошнего человечества очень развита и мыслительная деятельность очень плодотворна. Жизнь кажется там бесконечной. Те, которые умирают от старости, переживают тысячи таких лет, но такие люди очень редки, и в исторических воспоминаниях этого человечества сохраняется память только о нескольких из них. Войн между племенами там никогда не было, потому что все они представляют один народ и говорят одним языком. Природное сложение этих организмов удивительное: болезни у них почти неизвестны, и поэтому нет докторов. Из этого проистекает то, что для такой большой мировой деятельности жизнь представляется бесконечной перспективой и скоро делается тяжелым бременем. Поэтому там все кончают жизнь самоотравлением. Этот обычай вошел в нравы с глубокой древности, и на редких стариков, которые по какой-нибудь причине не умертвили себя, смотря как на нечто исключительное, оригинальное, более или менее экстравагантное. Обращение к яду есть общий закон.

Но, друг мой, мне невозможно пересказать тебе всех редкостей вселенной. Достаточно, чтобы ты настолько поднял завесу, чтобы получить возможность провидеть непостижимое разнообразие живых существ на всех планетных системах, рассеянных в пространстве.

Сопутствуя мне мысленно в надзвездном путешествии, ты провел несколько часов далеко от земли. Хорошо уходить иногда таким образом в небесные области. Душа овладевает лучше сама собой и в уединенных размышлениях глубже вникает в мировую действительность. Земное человечество, ты понял это, является и в физическом, и в духовном отношении результатом действующих сил земли. Сила человеческая, рост, вес зависят от этих сил. Органические функции определяются планетой. Если жизнь ваша состоит из труда и отдыха, из деятельности и сна, так это вследствие вращения земли вокруг оси и вследствие ночи; на светящихся шарах, или на тех, которые освещаются несколькими попеременными солнцами, — не спят. Если едят и пьют, так это вследствие несовершенного состояния атмосферы. Тело тех существ, которые не едят, устроено не так, как ваше, потому что им не нужно ни желудка, ни кишок. Земной шар заставляет вас видеть вселенную известным образом: сатурнинский глаз видит иначе; есть чувства, ощущающие не то, что вы ощущаете, и не видящие того, что вы видите в природе. Каждый мир населен непременно разным человечеством и иногда таким, которое не похоже ни на животных, ни на растения. Есть люди всевозможных форм, всевозможных размеров, веса, цвета, всевозможных чувствований и характеров. Вселенная есть бесконечность. Наше земное существование есть только фаза бесконечности. Неистощимое разнообразие обогащает эту чудесную ниву предвечного Сеятеля. Роль науки изучать то, что земные чувства могут провидеть. Роль философии заключается в том, чтобы образовать синтез из всех ограниченных познаний и развить сферу мысли. Теперь, мой милый земной друг, ты знаешь, что такое земля во вселенной, ты знаешь элементарно, что такое небо и знаешь также, что такое жизнь и что такое смерть.

Но вот уже приближается заря, обращающая духов в бегство; наш разговор померкнет подобно тому, как меркнет свет Венеры при наступлении земного дня. Но мне хотелось бы прибавить к уже высказанным

взглядам одно очень интересное замечание, внушенное мне теми же наблюдениями. Вот оно: если бы ты ушел с земли в тот момент, когда сверкнет молния, и летел бы в течение часа или более вместе со светом, то ты бы видел молнию столько времени, сколько бы ты на нее смотрел. Этот факт основывается на принципах, изложенных выше. Но если бы, вместо того, чтобы лететь точно — со скоростью света, ты летел бы несколько медленнее, вот что ты мог бы заметить: предполагаю, что этот полет от земли, в течение которого ты смотришь на молнию, длится минуту. Предполагаю также, что молния длится тысячную секунды. Ты продолжал бы видеть молнию в течение времени в 60.000 раз превышающем ее продолжительность. В нашем первом предположении путешествие это тождественно с путешествием света. Свет употребил 60.000 десятых секунды, чтобы дойти от земли до той точки пространства, где ты находишься: твой полет и его совпали. Но если бы, вместо того, чтобы лететь точно с такою же скоростью, с какою летит свет, ты полетел бы немного медленнее, и употребил бы, например, на тысячную секунды больше, чтобы дойти до той же точки, то вместо того, чтобы видеть всегда один и тот же момент молнии, ты увидел бы последовательно различные моменты, составляющие всю продолжительность ее, равную одной тысячной секунды. В течение этой целой минуты ты имел бы время увидеть сперва начало молнии, рассмотреть ее развитие, фазы и продолжение до конца. Пойми теперь, какие странные открытия можно было бы сделать во внутреннем составе молнии, увеличенной в 60.000 раз в порядке продолжительности ее! Какие ужасающие сражения ты имел бы время увидеть в ее пламени! Что за пляска демонов! Что за скопление атомов! Что за мир, скрытый, благодаря своей кратковременности, от несовершенных глаз смертных! Если бы ты мог видеть мысль, разделить и сосчитать атомы, составляющие человеческое тело, то это тело исчезло бы для тебя, потому что там были бы миллионы и миллионы двигающихся атомов, и для глаз наблюдателя это было бы туманное пятно, приведенное в движение силами тяготения. Ведь выдумал же Сведенборг, что вселенная, если посмотреть со стороны на ее совокупность, имеет вид огромного человека. Это был с его стороны антропоморфизм. Но что мы знаем наверно, так это то, что вещи *не суть то*, чем они нам кажутся ни в пространстве, ни во времени. Но вернемся к замедленной молнии.

Когда ты летишь со скоростью света, ты видишь перед собою постоянно картину, существовавшую в момент твоего отлета. Если ты в течение года будешь двигаться все с тою же скоростью, то у тебя перед глазами будет постоянно, одна и та же картина. Но, если — чтобы лучше рассмотреть событие, длившееся всего лишь несколько секунд, как, например, падение горы, лавины, землетрясение — ты полетишь так, чтобы видеть начало катастрофы, и, отставая немного от движения света, увидишь не все одно только начало, но сперва первый момент, последовавший началу, потом второй и так далее, пока не дойдешь до конца события через час, идя почти следом за светом; таким образом, событие продлится для тебя час, вместо нескольких секунд, ты увидишь камни или утесы висящими в воздухе и можешь, таким образом, составить себе представление о том, как совершалось событие и об его замедленных перипетиях.

Я вижу, что ты мысленно сравниваешь этот процесс с процессом увеличения времени посредством микроскопа. Это именно то и есть. Мы видим, таким образом, время растянутое, распространенное. И этот процесс растяжения времени следовало бы, строго говоря, назвать не микроскопированием, а скорее *хроноскопированием*, или *хронотелескопированием* (видеть время издали) времени.

Таким образом, продолжительность какого-нибудь царствования могла бы быть увеличена по доброй воле какой-нибудь политической партии. Так, например, можно было бы заставить Наполеона II, царствовавшего всего три часа, процарствовать в течение пятнадцати лет *последовательно*, растягивая 180 минут, составляющих 3 часа, в 180 месяцев, при удалении от земли со скоростью несколько меньшею, чем скорость света, таким образом, чтобы, удаляясь в первую минуту признания Наполеона II, дойти до последней минуты его царствования только через пятнадцать лет. Каждая минута была бы видна месяц, а каждая секунда двенадцать часов.

Заключение этого рассказа, мой милый Кверенс, покоится целиком на его принципе. Я хотел сообщить тебе, что физический закон *последовательной передачи света* в пространстве есть один из *основных элементов условий вечной жизни*. В силу этого закона всякое событие бессмертно, и прошлое есть всегда в то же время и настоящее. Облик земли за 6000 лет до нашего времени находится теперь в пространстве на расстоянии, какое пробегает свет в 6000 лет: миры, находящиеся в этой области, видят землю того времени. Мы можем непосредственно увидеть наше собственное существование и наши различные прежние существования; для этого достаточно быть на приличном расстоянии от миров, на которых мы жили. Есть звезды, которые вы видите с земли и которые больше не существуют, потому что они потухли, испустив световые лучи, которые доходят до вас только теперь; точно так же, вы могли бы получить отдаленный звук голоса человека, который мог умереть до той минуты, когда вы услышите его, если бы, например, он, издав крик, получил мгновенный апоплексический удар.

Я очень рад, что эти рамки позволили мне нарисовать в то же время и картину разнообразия этих существований и возможность существования живых *форм, неизвестных на земле*. Тут еще откровения Урании больше и глубже нежели откровения всех ее сестер. *Земля есть только атом во вселенной*.

Здесь я останавливаюсь; все эти многочисленные и разнообразные применения законов света оставались для вас незамеченными. На земле, в этой темной пещере, так точно охарактеризованной Платоном, вы прозябаете в неведении гигантских сил, действующих в природе. Настанет день, когда наука откроет в свете принцип всякого движения и внутреннюю причину вещей. Вот уже несколько лет, как спектральный анализ научил вас узнавать по световому лучу солнца или звезды вещества, из которых состоит это солнце или эта звезда; вы уже можете определить через расстояние в миллионы и триллионы верст состав небесных тел, от которых вы получаете световые лучи! Изучение света готовит вам еще более великолепные результаты, как в экспериментальной науке, так и в применении ее к всемирной философии.

Но преломление земной атмосферы распространяет по ту сторону зенита свет отдаленного солнца. Вибрации дня препятствуют мне беседовать с тобою дольше... Прощай, мой достойный друг. Прощай или, лучше сказать, до свиданья! Великие события совершатся вокруг тебя. После бури я, может быть, приду в последний раз подать тебе знак существования, показать, что я не забываю тебя. Потом, позднее, когда ты перестанешь жить на этой жалкой планете, я выйду к тебе навстречу, и мы совершим вместе путешествие среди неописуемых красот необъятности. В самых смелых снах твоего воображения ты не составишь никогда даже приблизительного понятия о поразительных редкостях, о невообразимых чудесах, которые тебя ожидают.

Конец

Примечания

1

Воскрешение минувшего

2

Лье — старинная французская единица измерения расстояния. Сухопутное лье равно 4445 метрам — ред.

3

Обратное течение времени

4

Лье — старинная французская единица измерения расстояния. Сухопутное лье равно 4445 метрам — ред.

5

Ничтожество человека

6

Минувшая жизнь миров

7

Разум смел, природа еще смелее

8

cereus giganteus — многогранные зеленые колонны кактусов, толщиной в полметра, высотой до 15 м — ред.